РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 41. 9-го Октября 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЕРШЪ и ПЫЖЪ.

Повѣсть, основанная на истинномъ происшествіи. Кн. М. Н. Волконскаго.

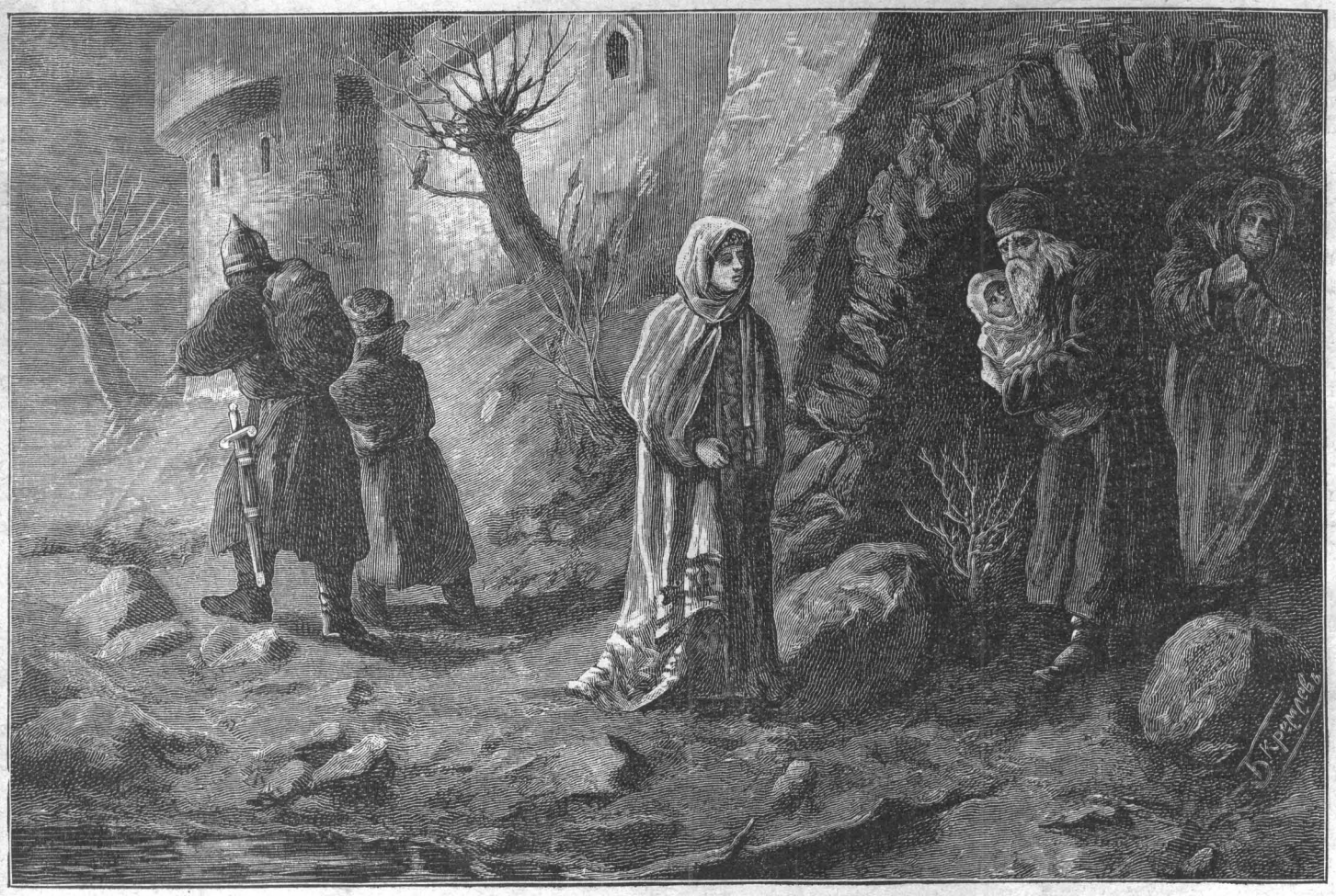
(Продолженіе.)

КОРЕЦКІЙ провелъ рукою по головѣ, отчего волосы у него взъерошились и стали похожи на торчащій изъ куля клокъ сѣна.

— У-у, золотцо!—насмѣшливо-любовно улыбнулся ему Козлавлевъ-Рощининъ.

— Х-хочешь, разскажу?—предложилъ Корецкій.

— Хочу, прекрасный мой,—согласился комикъ,—только не упускайте изъ вида, что мы съ вами брудершафта не пили и не находимся въ такой интимности, чтобъ говорить другъ другу „ты“. Такъ будемъ на „вы“, какъ подобаетъ истиннымъ джентльмэнамъ...



БѢГСТВО СЕМЕЙСТВА КНЯЗЯ РОМАНА ГАЛИЦКАГО. Оригин. рисун. **Б. Кремлева**; гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ**.

— Хорошо, — милостиво снизошелъ Корецкій и началъ разсказывать.

XIV.

— Вчера, — разсказывалъ Корецкій, чаще и чаще прикладываясь къ водкѣ, — шелъ я по Дворянской улицѣ, вотъ тутъ, — онъ неопредѣленно показалъ рукою и помоталъ ею въ воздухѣ, — шелъ я по Дворянской улицѣ .. и что-же вдругъ вижу? ѣдетъ карета ..

— Ну, это — не диво, — вставилъ Козодавлевъ-Рощининъ, — тутъ городъ большой, каретъ много ѣздитъ...

— Карета шикарная, — продолжалъ Корецкій, — на резиновыхъ шинахъ — эдакъ катится легко... Лошади — сѣрыя въ яблокахъ, кучеръ — вотъ какой, борода и все какъ слѣдуетъ.. столичный кучеръ. „Берегись“, — кричитъ... Я люблю кареты. Я и лошадей люблю. Я на тотализаторѣ играю. Разъ выигралъ сто рублей. Какое сто! чтобъ не соврать — двѣсти семьдесятъ восемь выигралъ! вотъ какъ!..

— Да вы не врите, сердечный синьоръ, — остановилъ его Козодавлевъ-Рощининъ, — все равно, не повѣрю; вы про карету разсказывали ..

— Да, про карету, — вспомнилъ Корецкій. — Такъ вотъ ѣдетъ карета и останавливается. Она останавливается у дома. У дома зеркальныя стекла... Я все думаю иногда зеркальное стекло какъ-нибудь разбить — много на своемъ вѣку стеколъ билъ, а зеркальнаго никогда. Идешь мимо магазина, такъ это руки чешутся... вѣдь, чванство это — зеркальныя стекла, чванство, а? А чего они форсятъ и чванятся, какъ будто я не могу зеркальное окно разбить... скажите, могу?

— Можете, Роландъ мой неистовый, можете! — подтвердилъ Козодавлевъ-Рощининъ.

„Пусть онъ вретъ себѣ, что хочетъ, — думалъ онъ, между тѣмъ, — допьетъ водку, уведу я его тогда и не отпущу уже отъ себя, дамъ проспаться, а тамъ поговоримъ“...

— Что я говорю? — переспросилъ Корецкій.

— Насчетъ зеркальнаго стекла у васъ, джентльмэнъ, фантазія и о каретѣ вы начали...

— Да, карета, — снова вернулся къ ней Корецкій. — Дверца кареты отворяется и изъ нея выходитъ дама. Платье это шелковое, шляпка и всякія тамъ рюши... Ну, и эта дама — не кто иная, какъ самая мамаша Маньки...

— Манички? — удивился Рощининъ, — да вы не врете?

— Галактіонъ Корецкій никогда не вретъ. Она, она самая. Она, подлая, удрала тогда въ одну ночь, такъ что и слѣдъ ея простылъ и не могъ я концы найти, исчезла... И вдругъ теперь встрѣчаю — карета, лошади и все такое... Сколько времени прошло! А тогда удрала и Маньку мнѣ подкинула...

Козодавлевъ-Рощининъ внимательно приглядывался къ Корецкому, желая рѣшить, насколько было правды въ его словахъ? Всего вѣроятнѣе казалось, по первому впечатлѣнію, что это была просто игра воображенія пьянаго человѣка.

— А какъ вчера, вы были выпивши? — спросилъ Козодавлевъ-Рощининъ.

— Вчера? кажется, былъ.

— Такъ, можетъ, вамъ померещилось, фруктъ мой тропическій!..

— Что-о? померещилось? — обидѣлся Корецкій, — мнѣ померещилось! Никогда еще мнѣ не мерещилось, никогда. Она была, она!

— Странно, голубчикъ!..

— Ничего нѣтъ страннаго. Вы думаете, Галактіонъ Корецкій всегда въ такомъ видѣ ходилъ? Было время, носилъ я и брюки клѣтчатыя, пиджакъ бархатный... семь рублей аршинъ, чистыйліонскій бархатъ носилъ... И будетъ время, опять надѣну и брюки клѣтчатыя, и пиджакъ бархатный...

— А вы помните домъ, къ которому подъѣхала карета-то? — проговорилъ Козодавлевъ-Рощининъ, желая навести разговоръ опять на мать Манички.

— Помню, — сказалъ Корецкій.

— И можете показать его?

— Могу. Онъ — третій отсюда по лѣвой сторонѣ, съ садомъ и зеркальными окнами, барскій домъ, какъ слѣдуетъ... Я ее найду тамъ... я ее найду... Бѣда только — мнѣ ѣхать нужно... Мнѣ деньги на отъѣздъ обѣщаны... Я долженъ уѣхать...

Корецкаго вдругъ начало разбирать отъ водки и онъ, какъ это всегда бываетъ съ пьяницами, вдругъ быстро началъ хмелѣть и заговариваться... Онъ отвалился на спинку стула, на которомъ сидѣлъ, вытянулъ ноги подъ столомъ и въ такой непринужденной позѣ размахнулъ рукою:

— Мнѣ все равно теперь, наплевать!..

— Что, то есть, наплевать, милѣйшій?

— На все. Я говорю, богатымъ буду. И смѣяться нечего, я не позволю смѣяться! — крикнулъ Корецкій, снова пригибаясь къ столу, и, грузно уронивъ на него руки, уставился на Козодавлева-Рощинина тупыми, безсмысленными, дикими глазами.

— У-у, золотцо! — опять повторилъ комикъ, не измѣняя своей улыбки, съ которою все время разговаривалъ съ Корецкимъ.

— Ты издѣваешься надо мной, — продолжалъ тотъ, — а если-бъ я захотѣлъ — ты сейчасъ-бы вотъ сталъ подличать предо мной, потому я сейчасъ могу доказать, что буду богатъ — тысячи, братъ, у меня впереди... А, что? Половой, водки еще! — обернулся онъ къ половому, приблизившемуся къ столику, гдѣ они сидѣли, на случай могущаго произойти буйства со стороны опьянѣвшаго посѣтителя.

Половой прищурился и смѣрилъ Корецкаго глазами.

— Говорятъ тебѣ, водки! — повторилъ Корецкій.

Половой подошелъ, протянулъ руку и проговорилъ односложно и тихо:

— Деньги!

— Деньги тебѣ? — разсмѣялся Корецкій, — деньги? думаешь, не заплачу... Деньги я сейчасъ...

И онъ сталъ шарить по карманамъ.

Половой терпѣливо ждалъ.

Корецкій, обшаривъ себя, взглянулъ на полового и удивился:

— Тебѣ чего? Да, деньги... Вотъ тебѣ деньги, дай водки, говорятъ, а деньги вотъ...

Онъ съ трудомъ разстегнулъ единственную пуговицу на рубашкѣ и раскрылъ грудь.

На груди на веревочкѣ висѣла завернутая бумажка. Онъ распуталъ ее, развернулъ и разостлалъ на столѣ, говоря:

— Вотъ онѣ, деньги — вѣрнѣе смерти!

Козодавлевъ Рощининъ заглянулъ на бумагу. Это былъ вексель, написанный крупнымъ почеркомъ.

Сумма была показана въ пятьдесятъ тысячъ рублей.

— Съ нами крестная сила! — прошепталъ комикъ, прочтя подпись на векселѣ.

Корецкій вдругъ вздрогнулъ, словно опомнившись, скомкалъ вексель, сунулъ его за пазуху и, упавъ головою на столъ, остался неподвиженъ, будто заснулъ.

— Эй, милый! безобразно... не ладно! — сталъ

тормошить его половой и кликнулъ подручнаго; они приподняли Корецкаго и стали выводить его вонъ.

XV.

Козодавлевъ-Рощининъ, выйдя изъ трактира, почувствовалъ, что голова кружится отъ спертой атмосферы черной половины „Лондона“ и отъ виннаго угара, ст явшаго тамъ. Онъ съ удовольствіемъ вдохнулъ въ себя пыльный воздухъ нагрѣтой іюльскимъ солнцемъ улицы и пошелъ, раздумывая о томъ, что только что узналъ отъ Корецкаго.

— Берегись!—раздался зычный басъ гдѣ-то очень близко и двѣ лошадиныя морды очутились у самаго его лица.

Онъ едва успѣлъ отпрыгнуть назадъ — карета, запряженная сѣрыми въ яблокахъ рысаками, направляясь въ ворота, переѣхала троттуаръ, чуть не задѣвъ его.

Въ каретѣ сидѣла барыня лѣтъ за тридцать.

Рощининъ успѣлъ отлично разглядѣть ее.

Въ это время сзади онъ почувствовалъ, что его хлопнули по плечу. Онъ обернулся.

За нимъ стоялъ, силясь удержать равновѣсіе. Корецкій.

— Она! — показалъ онъ на карету.

Козодавлевъ-Рощининъ инстинктивно отстранился отъ нежданнаго сосѣда.

— Я говорю, что это—она!—повторилъ Корецкій и, пошатнувшись, зашагалъ черезъ улицу прочь отъ комика.

Козодавлевъ-Рощининъ оглядѣлъ домъ, къ которому подъѣхала карета.

Это былъ барскій двухъэтажный богатый особнякъ съ зеркальными окнами, стоявшій въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ улицы за палисадникомъ съ узорной чугунной рѣшеткой и воротами... На воротахъ была надпись: „Домъ коммерціи совѣтника Валеріана Дмитріевича Тропинина“.

Козодавлевъ-Рощининъ долго стоялъ предъ этою надписью, словно желалъ какъ можно лучше запомнить ее. Потомъ онъ нахлобучилъ шапку, глубоко засунулъ руки въ карманы и зашагалъ по направленію къ городскому саду, гдѣ былъ театръ.

Въ театрѣ шла репетиція и тамъ всѣ были веселы и довольны.

Вчерашній сборъ сломилъ, такъ сказать, равнодушіе публики и благодѣтельно отозвался на сегодняшнемъ.

Сегодня опять поставили веселую пьесу и билеты продавались въ кассѣ уже достаточно бойко..

Актеры, несмотря на жару, оживились и репетировали съ удовольствіемъ; только трагикъ, не занятый и сегодня, продолжалъ мрачно пить.

Опоздавшій на репетицію Козодавлевъ-Рощининъ не раздѣлялъ, повидимому, общаго настроенія. Это удивило всѣхъ, тѣмъ болѣе, что комикъ никогда не унывалъ, какія-бы обстоятельства ни были, а тутъ, когда дѣло приняло хорошій оборотъ, онъ вдругъ въ первый разъ не то что заскучалъ, а былъ задумчивъ и сосредоточенъ..

Онъ предупредилъ, что опоздаетъ сегодня на репетицію. Пьеса ему была хорошо извѣстна, онъ игралъ ее много разъ.

Придя въ театръ, Козодавлевъ-Рощининъ не пошелъ на сцену, а сѣлъ на верандѣ у самаго отдаленнаго столика, нахмуренный, мелькомъ поздоровавшись съ товарищами и даже не пошутивъ ни съ кѣмъ.

Антрепренеръ, угощавшій завтракомъ помощника пристава, предложилъ было ему подсѣсть къ нимъ, но онъ на-ходу пробурчалъ лишь что-то въ родѣ:

— Благодарю!..

Микулина, завидѣвъ Андрея Ивановича, подошла къ нему и спросила:

— Дядя Андрей, что съ тобой?

— А что?—переспросилъ Козодавлевъ-Рощининъ и сейчасъ-же добавилъ:—ничего, Манюша, мнѣ надо обдумать многое и разобраться...

— Да, вѣдь, ты говоришь, что, слава Богу, все хорошо...

— Теперь какъ-будто не совсѣмъ хорошо выходитъ, но это, впрочемъ, насъ съ тобой не касается. Дѣло идетъ о твоемъ отцѣ...

— Что-же онъ?

— Вотъ въ томъ-то и вопросъ: „что онъ?“ — пропойца, несчастный, слабый человѣкъ...

— Или?—проговорила Микулина.

— Или хуже этого еще,—сказалъ Козодавлевъ-Рощининъ.—Я сейчасъ видѣлся съ нимъ...

— Что-нибудь очень серьезное, дядя Андрей?

— Для него—да, очень серьезное, можетъ быть... Я говорю тебѣ объ этомъ, чтобы ты теперь постаралась всегда со мною быть, хотя это трудно сдѣлать; мнѣ нужно будетъ, вѣроятно, пойти разузнать кое-что... Ну, да мы примемъ мѣры... Только ты будь осторожнѣе, чѣмъ когда-либо... Ты завтракала? хочешь поѣсть что-нибудь?..

Въ это время—такъ что Микулина не успѣла еще отвѣтить—дверь со сцены на веранду отворилась, показался трагикъ Ромуальдъ-Костровскій и, безпомощно прислонившись къ притолкѣ и опустивъ руки, громко, тѣмъ голосомъ, которымъ гремѣлъ со сцены, произнесъ:

— Я убилъ ее, вяжите меня!..

Раздался общій взрывъ хохота. Всѣ приняли это за пьяную выходку не въ мѣру нагрузившагося трагика, но завтракавшій съ антрепренеромъ помощникъ пристава насторожился и спросилъ:

— Что это говоритъ онъ?

— Это—извѣстная фраза изъ Островскаго,—пояснилъ Антонъ Антоновичъ,—онъ пьянъ вдребезги и, видно, воображаетъ себя на сценѣ...

— Такъ!—протянулъ помощникъ пристава.

„Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ“,—сообразилъ онъ.

— А скажите, на всякій случай, вы не знаете, гдѣ провелъ этотъ человѣкъ ночь съ пятнадцатаго на шестнадцатое іюля?

— Что вы хотите этимъ сказать?—удивился антрепренеръ.

— Ничего особеннаго, такъ себѣ,—не то шутливо, не то серьезно произнесъ помощникъ пристава.

— Право, не знаю. Мои актеры у меня не живутъ, я не знаю, гдѣ они ночи проводятъ,—сталъ словно оправдываться, вдругъ оробѣвъ, антрепренеръ.

— Ну, а вечеромъ пятнадцатаго іюля онъ былъ здѣсь, въ театрѣ?

— Позвольте,—постарался припомнить антрепренеръ,—что у насъ шло? Да, фарсъ „Ножъ моей жены“! Нѣтъ, Ромуальда-Костровскаго въ театрѣ въ этотъ вечеръ не было.

— Вы навѣрное это помните?

— Навѣрное. А что?..

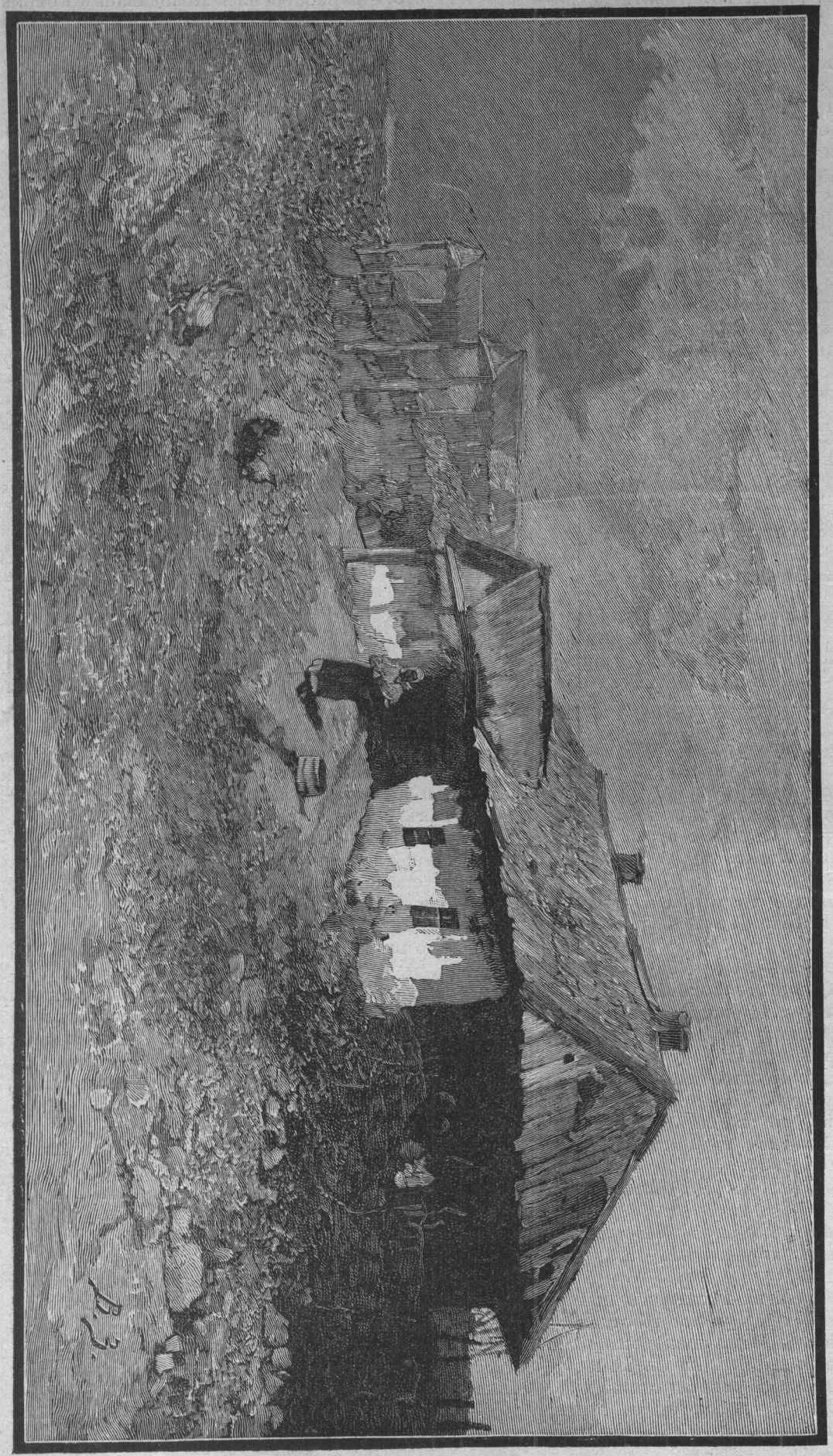
— Нѣтъ, ничего,—сказалъ помощникъ пристава.— Только знаете, сегодня на рѣкѣ всплылъ трупъ дочери фабриканта Тропинина. Онъ найденъ въ обезображенномъ видѣ... и до сихъ поръ нѣтъ еще никакихъ слѣдовъ этого преступленія, хотя изъ Москвы спеціально вызванъ опытный сыщикъ...

— Такъ это—правда?

— Что?

— Насчетъ сыщика.
— А вы слышали объ этомъ?
— Да Ромуальдъ-Костровскій вчера весь вечеръ пилъ и приставалъ ко всѣмъ: правда-ли, что изъ Москвы выписанъ сыщикъ?..

— Это важно! — рѣшилъ помощникъ пристава и, быстро собравшись, всталъ, простился и ушелъ очень озабоченный.



ХУТОРЪ ВЪ СТЕПИ. Съ картины И. А. Левченко гравир. для „Родины“ **В. Зубчаниновъ.**

XVI.

Трупъ дочери Тропинина, всплывшій и найденный на рѣкѣ, былъ отвезенъ въ госпиталь, гдѣ произвели вскрытіе. Затѣмъ его уложили въ свинцовый гробъ и перенесли въ соборъ, гдѣ поставили на высокій катафалкъ и окружили свѣчами.

На слѣдующій день были назначены похороны, на которыя съѣхался весь городъ.

Похоронная процессія была торжественна. Духовенство шло изъ всѣхъ церквей въ бѣлыхъ ризахъ съ кадилами и со свѣчами зеленаго воска. Были два хора пѣвчихъ. Гробъ везли подъ бѣлымъ глазетовымъ покровомъ на колесницѣ съ бѣлымъ-же глазетовымъ балдахиномъ.

За гробомъ шло много народа, а сзади тянулись длинною вереницей богатые экипажи...

Впереди всѣхъ, сейчасъ-же за гробомъ, шелъ Валеріанъ Дмитріевичъ съ неподвижнымъ, окаменелымъ лицомъ, какъ-бы застывшимъ, и съ неподвижно остановившимся взглядомъ.

Съ самаго вечера, когда пропала его дочь, и до сихъ поръ онъ не проронилъ ни одной слезинки. Онъ и теперь не плакалъ.

— Это хуже, — говорили кругомъ: — ему-бы легче стало отъ слезъ... Бѣдный отецъ!..

Почти рядомъ съ нимъ вели подъ руки убитую горемъ Юзефу, кормилицу и воспитательницу молодой дѣвушки... Выраженіе ея горя было неистово, почти буйно. Она рыдала и взрыдъ, съ исте-

ричнымъ стономъ, закидывая голову назадъ и трясясь всѣмъ тѣломъ...

Валеріанъ Дмитріевичъ испол илъ все, что отъ него требовалось на похоронахъ: прошелъ черезъ весь городъ вплоть до кладбища за гробомъ, отстоялъ отпѣваніе, проводилъ дочь до могилы; но, вернувшись домой,—не могъ уже выдти къ собравшимся тамъ, по старому провинціальному купеческому обычаю, на поминки...

Въ большомъ залѣ его дома былъ накрытъ длинный столъ. Явились служащіе на фабрикѣ, духовенство, участвовавшее въ похоронахъ, кое-кто изъ купцовъ и изъ чиновниковъ города.

Валеріанъ Дмитріевичъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, чтобы не слышать того, что происходило въ залѣ. Онъ хотѣлъ остаться одинъ. Впрочемъ, онъ былъ въ такомъ состояніи, что ничего не хотѣлъ, а дѣйствовалъ, ходилъ и двигался совершенно инстинктивно, и инстинктивно ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, скрываясь отъ людей.

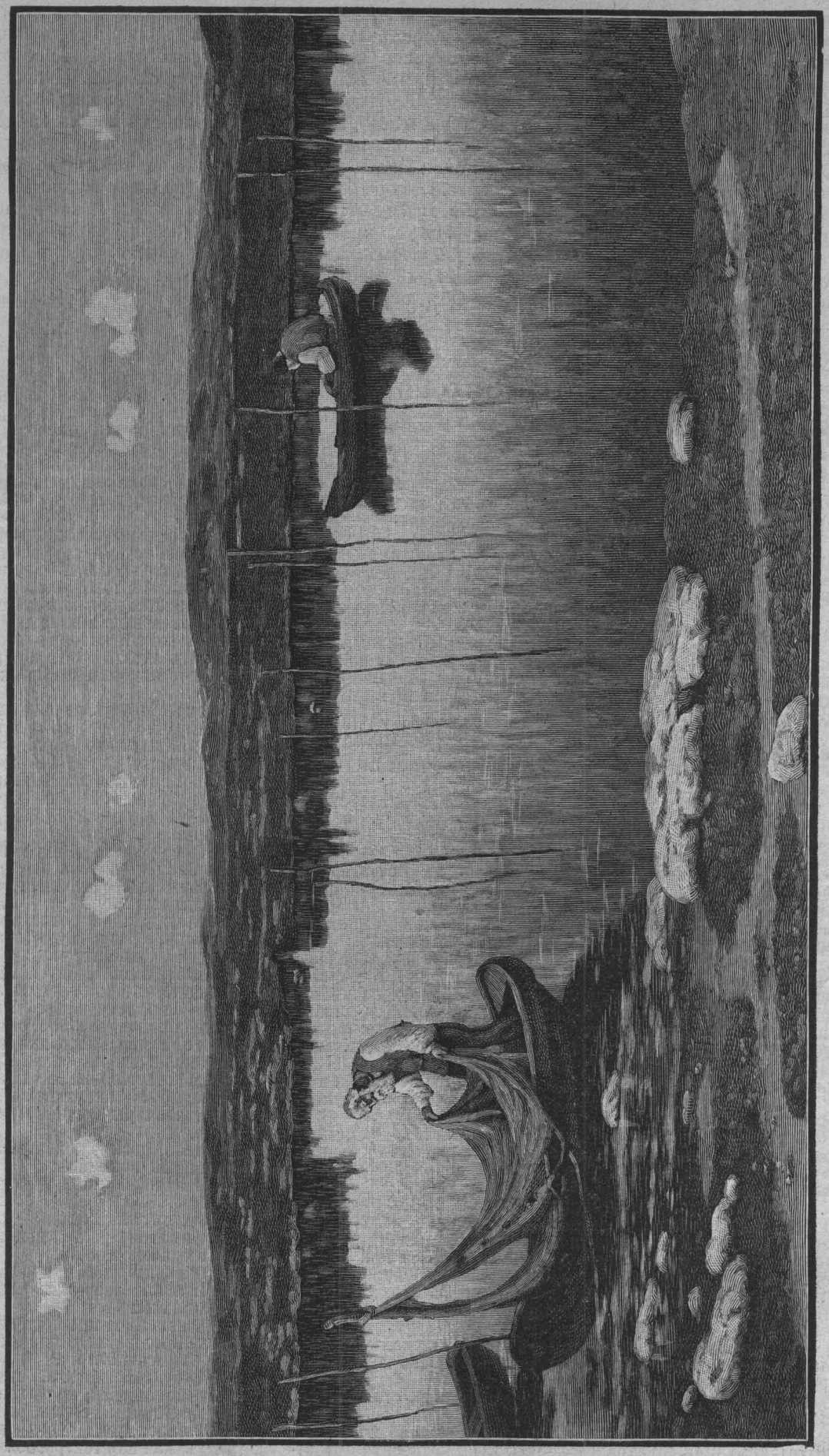
Однако, къ нему пробрался полиціймейстеръ, бывшій бравый кавалеристъ съ огромными усами.

— А я къ вамъ, Валеріанъ Дмитріевичъ, —развязно-ободряюще заговорилъ онъ, словно хотѣлъ обнадежить, что ему ничего не стоитъ навести сейчасъ такой-же порядокъ въ душевномъ состояніи Тропинина, какой онъ привыкъ наводить на базарной площади „ввѣреннаго“ ему города,— я къ вамъ пришелъ, чтобъ сообщить, что убійца найденъ...

Валеріанъ Дмитріевичъ болѣзненно, страдающе посмотрѣлъ, видимо, не понимая, что хотятъ отъ него и что этому человѣку нужно.

— Убійца найденъ, — повторилъ полиціймейстеръ.— Вы знаете?

Лицо Тропинина дернулось судорогой и скривилось. Эту судорогу полиціймейстеръ принялъ за поощрительную улыбку.



РЫБАКЪ. Съ картины **В. И. Зарубина** гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ**

— Простой случай открылъ,—продолжалъ онъ.— Вчера помощникъ пристава завтракалъ въ городскомъ саду и обратилъ вниманіе на странное поведеніе одного изъ актеровъ, человѣка сильнаго и, какъ оказалось, по природѣ развратнаго. Сейчасъ-же мы стали слѣдить за нимъ. И что-же оказалось? Вчера вечеромъ онъ, крайне мрачный, отправился одинъ ходить по берегу рѣки на то мѣсто, гдѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, было совершено преступленіе. Первый признакъ: преступника всегда тянетъ на мѣсто преступленія. По дальнѣйшему разслѣдованію оказалось, что онъ не ночевалъ дома въ ночь съ пятнадцатаго на шестнадцатое; мало того, никто не зналъ, гдѣ онъ былъ въ роковой вечеръ! Когда его арестовали, онъ и самъ не могъ объяснить, гдѣ провелъ этотъ вечеръ, крайне смѣшался и началъ путать... Такимъ образомъ, преступникъ найденъ. И теперь ясны мотивы преступленія, которые мы не могли найти. Объ ограбленіи не могло быть рѣчи, потому что всѣ вещи найдены и онѣ налицо. Значитъ, мотивъ ограбленія отпадаетъ. Тутъ могъ дѣйствовать только эксцессъ натуры, что и подходитъ къ такому человѣку, какъ актеръ. Ну, повышенность нервной чувствительности, развинченность воли, отсутствіе нравственныхъ началъ, вліяніе алкоголизма—все это сдѣлало изъ него субъекта во вкусѣ послѣдняго времени. Такіе субъекты находятъ иногда сладострастіе въ самомъ убійствѣ, въ особенности молодыхъ дѣвушекъ... Для меня теперь картина преступленія ясна. Нужно только возстановить ее во всѣхъ подробностяхъ, что мы и сдѣлаемъ... Будьте покойны, я ручаюсь вамъ за это. Вѣдь, вы знаете, какъ мы производимъ дознаніе? Вѣдь, во всѣхъ подробностяхъ, сдаемъ дѣло слѣдственной власти совсѣмъ готовенькимъ, такъ что ей и трудиться не надо...

(Продолженіе будетъ.)

Кассиръ по неволѣ.

(Изъ разсказовъ стараго гусара.) Нугарда.

Въ то время какъ мы, гусары, стояли въ маленькомъ, Богомъ забытомъ уѣздномъ городишкѣ Злотовѣ, драгуны нашей дивизіи квартировали въ губернскомъ городѣ Крутогорскѣ, отдѣленномъ отъ насъ разстояніемъ въ цѣлыхъ сто верстъ.

Насчетъ стоянокъ драгуны всегда пользовались особеннымъ преимуществомъ, такъ какъ считались первымъ полкомъ въ дивизіи, за ними шли уланы и уже потомъ мы, старые гусары, вѣрные традиціямъ безсмертнаго Бурцева.

Мы всѣ завидовали драгунской стоянкѣ, ихъ новенькимъ, чистенькимъ казармамъ и обширному манежу...

Особенно досаждалъ намъ этотъ манежъ, построенный еще очень недавно и со всевозможными современными приспособленіями, начиная съ газоваго освѣщенія и кончая чугунными печками, позволявшими производить занятія въ какую угодно холодную погоду.

У насъ подъ словомъ «манежъ» подразумѣвалось открытое, ровное мѣсто, расположенное гдѣ-нибудь на выгонѣ и огороженное простымъ плетнемъ... Какое-же тутъ могло быть сравненіе съ драгунскою роскошью!

Да и сама жизнь въ Крутогорскѣ не могла сравниться съ нашимъ злотовскимъ прозябаніемъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ мы, при каждомъ удобномъ случаѣ, спѣшили къ себѣ въ «губернію».

Въ серединѣ описываемой зимы жизнь въ Крутогорскѣ еще болѣе оживилась, такъ какъ туда пріѣхала труппа извѣстнаго провинціальнаго антрепренера Кулакова, и вѣтренные крутогорскіе кавалеры забыли о мѣстныхъ барышняхъ, перенеся свою штабъ-квартиру въ городской театръ.

Особеннымъ успѣхомъ у господъ офицеровъ пользовалась примадонна этой труппы, обворожительная Зоя Платоновна Заальминская, очень любившая показываться на сценѣ въ классическихъ костюмахъ, черезчуръ откровенныхъ, дававшихъ ей возможность выставлять напоказъ крутогорской публикѣ свои красивыя формы. Ради этого она съ одинаковымъ удовольствіемъ играла «Прекрасную Елену» и Мессалину, Эвридику въ «Орфеѣ въ аду» и «Ифигенію въ Тавридѣ»...

Словомъ, репертуаръ ея былъ такъ-же разнообразенъ, какъ и составъ ея поклонниковъ.

Первымъ представился геніальной артисткѣ командиръ драгунскаго полка, бывшій бравый гвардеецъ-кирасиръ, имѣвшій большой успѣхъ среди мѣстныхъ барынь, но потерпѣлъ фіаско.

Затѣмъ волею-неволею, по долгу службы, къ Зоѣ Платоновнѣ прикомандировался полковой адъютантъ, но... вскорѣ произошло нѣчто такое невѣроятное, что весь военный міръ пришелъ въ волненіе: чиновникъ особыхъ порученій при крутогорскомъ губернаторѣ, Иванъ Степановичъ Ненарокомовъ, совершенно неожиданно оставилъ за флагомъ всѣхъ поклонниковъ артистки Заальминской и до того возгордился своимъ успѣхомъ, что завелъ себѣ монокль.

Драгунскій полковой адъютантъ тоже задумалъ поддѣть Зою Платоновну на такую удочку, но у него этотъ номеръ «не прошелъ».

Полковой-же командиръ, чтобы утѣшиться, сталъ снова ухаживать за губернаторшей.

Наѣзжавшіе въ Крутогорскъ гусары исправно посѣщали театръ, дежурили у театральнаго подъѣзда, подносили артисткамъ букеты и угощали въ буфетѣ актеровъ, но относились довольно безучастно къ очевидному предпочтенію, оказываемому Зоей Платоновной штафиркѣ...

Наконецъ, на такое ненормальное положеніе вещей обратилъ вниманіе пріѣхавшій изъ Злотова ротмистръ Гардесъ.

Ротмистръ Владиміръ Александровичъ Гардесъ болѣе десяти лѣтъ прослужилъ въ нашемъ полку, получилъ эскадронъ и, не мечтая ни о какой дальнѣйшей карьерѣ, почилъ на лаврахъ.

Въ то время армейскому офицеру вообще безъ акаѳемическаго знака трудно было расчитывать на полкъ, почему Гардесъ былъ доволенъ и тѣмъ, что его эскадронъ считался первымъ въ дивизіи; товарищами онъ былъ любимъ, а его тамбовское имѣніе хотя и было заложено, но все-таки давало весьма порядочный доходъ и въ будущемъ предстояло еще получить наслѣдство послѣ какой-то двоюродной тетушки, которая съ юныхъ лѣтъ питала особенное расположеніе къ гусарамъ.

Чего-же ему было больше желать и могъ-ли онъ роптать на судьбу?

Лицомъ его Богъ не обидѣлъ и, несмотря на свою бурно проведенную молодость, онъ и въ тридцать два года могъ назваться пріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ мужчиной, способнымъ покорить не одно женское сердце.

Чѣмъ-же сердце Зои Платоновны отличалось отъ другихъ женскихъ сердецъ и чѣмъ чары чиновника, состоящаго въ личномъ распоряженіи его превосходительства, были обольстительнѣе чаръ гусарскаго ротмистра?

Къ тому-же и въ денежномъ отношеніи шансы были на сторонѣ Владиміра Александровича, даже если не принимать въ соображеніе предстоящей безболѣзненной кончины двоюродной тетушки...

Поэтому удалой ротмистръ, едва только объявился въ Крутогорскѣ, сразу почувствовалъ почву подъ ногами и безповоротно рѣшилъ, что Зоя Платоновна должна дать полную отставку зазнавшемуся «чинушѣ».

А когда онъ приходилъ къ какому-либо рѣшенію, то немедленно-же приступалъ къ его исполненію.

Конечно, прежде всего, онъ познакомился съ Зоей Платоновной и при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ.

Въ театрѣ антрепренера Кулакова шла «Фатиница», гдѣ Заальминская исполняла заглавную роль.

На ней были надѣты изящный гусарскій мундиръ и яркокрасныя чакчиры, отлично обрисовывавшія ея роскошное сложеніе.

Гардесъ послѣ перваго акта появился за кулисами и обратился къ Фатиницѣ:

— Извините, пожалуйста, товарищъ, что я еще не успѣлъ быть у васъ...

— Это съ какой стати?—удивилась Зоя Платоновна.

— По самой простой причинѣ: мы оба съ вами гусары и даже въ однихъ чинахъ.

— Очень пріятно, но все-таки меня нѣсколько удивляетъ...

— Положительно вамъ нечему удивляться!

— Однако...

— Дѣло самое простое: вѣдь, на васъ даже и доломанъ цвѣта нашего полка, стало быть, мы съ вами—однополчане.

— Что-жъ изъ того?

— Руку, товарищъ, и... ничего больше!

Зоя Платоновна не могла не отдать должнаго уваженія вновь представившемуся ей сослуживцу, и Иванъ Степановичъ Ненарокомовъ былъ очень удивленъ въ тотъ вечеръ, когда, уѣзжая изъ театра, Зоя Платоновна сослалась на силь-

ную мигрень и, порывисто протянувъ ему свою хорошенькую ручку, поспѣшно сѣла въ закрытую полуколяску.

При этомъ чиновнику особыхъ порученій при его превосходительствѣ въ глубинѣ экипажа почему-то показались цвѣтная гусарская фуражка и чье-то лицо съ лихо закрученными усами.

Дѣйствительно, на другой-же день онъ узналъ, что Зоя Платоновна послѣ театра отправилась ужинать съ ротмистромъ Гардесомъ въ лучшую крутогорскую гостиницу, и такимъ образомъ Фатиница, несмотря на свое гусарское происхожденіе, была похищена своимъ отважнымъ «однополчаниномъ» на манеръ Прекрасной Елены.

Владиміръ Александровичъ торжествовалъ. Но онъ преслѣдовалъ другую, болѣе опредѣленную цѣль: Зоя Платоновна должна была, по его мнѣнію, перебраться изъ Крутогорска въ Злотовъ, причемъ и всей труппѣ господина Кулакова не возбранялось послѣдовать за ней.

Однако, надо было это сдѣлать осторожно, такъ какъ Ненарокомовъ теперь тѣнью слѣдовалъ за предметомъ своего увлеченія и при содѣйствіи губернатора могъ надолго отсрочить отъѣздъ кулаковской труппы въ Злотовъ...

Въ Крутогорскѣ совершалось нѣчто необыкновенное: Иванъ Степановичъ Ненарокомовъ, совмѣстно съ губернаторшей и командиромъ драгунскаго полка, устраивалъ спектакль въ пользу мѣстнаго благотворительнаго общества.

Необыкновенное заключалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что раньше всѣ благотворительные спектакли устраивались или въ губернаторскомъ домѣ, или-же у мѣстнаго губернскаго предводителя дворянства, славившагося своимъ хлѣбосольствомъ, въ данномъ-же случаѣ въ распоряженіе губернаторши былъ предоставленъ драгунскій манежъ.

Предполагались самыя разнообразныя развлеченія, начиная отъ какой-то классической трагедіи и кончая дивертисементомъ, состоящимъ изъ излюбленныхъ цыганскихъ романсовъ, пропѣтыхъ тою-же госпожей Заальминской и другими артистами труппы Кулакова.

Само собою разумѣется, что Иванъ Степановичъ долженъ былъ играть на этомъ спектаклѣ далеко не послѣднюю роль, почему и явился въ манежъ во фракѣ, бѣломъ галстухѣ и съ неизмѣннымъ моноклемъ въ глазу.

— Дорогой мой,—подлетѣла къ нему Зоя Платоновна,—я къ вамъ съ настоятельною просьбою...

— Я весь къ вашимъ услугамъ, — осклабился Ненарокомовъ, такъ какъ уже давно она къ нему не обращалась такъ.

— У насъ такое затрудненіе... кассиръ до сихъ поръ не явился, а, между тѣмъ, публика начинаетъ собираться...

— Что-же я могу сдѣлать?

— Пока онъ не пріѣдетъ, сядьте въ кассу.

— Продавать билеты?

— Развѣ это унизительно? Вѣдь, вы-же — одинъ изъ организаторовъ этого спектакля и потому...

— Чѣмъ-же я объясню свое присутствіе въ кассѣ?

— Развѣ вы не имѣете права быть хозяиномъ этого спектакля?

— Но мнѣ, право, неловко...

— Публика начинаетъ собираться и вы вашимъ упорствомъ погубите весь спектакль... и какой! бла-го-тво-ри-тельный!

Иванъ Степановичъ поневолѣ согласился залѣзть въ кассирскую будку, среди которой помѣщалась до-красна раскаленная чугунная печь.

Садясь въ кассу, онъ услышалъ щелканіе замка, но не обратилъ на это никакого вниманія...

Между тѣмъ, подходили одинъ за другимъ крутогорскіе обыватели, почти всѣ знавшіе его лично, почему Иванъ Степановичъ началъ чувствовать себя не совсѣмъ ловко.

— Monsieur Ненарокомовъ, развѣ вы приняли на себя обязанности кассира?

— Monsieur Ненарокомовъ, неужели генеральша не могла посадить въ кассу, вмѣсто васъ, своего полковника или его адъютанта?

— Monsieur Ненарокомовъ, вы мнѣ обязаны дать по знакомству даровую контрамарку...

— Monsieur Ненарокомовъ... monsieur Ненарокомовъ,—и тутъ въ первый разъ въ жизни бѣдный Иванъ Степановичъ отъ души возненавидѣлъ свою фамилію и заперевшую его въ кассу Зою Платоновну.

Между тѣмъ, время шло, а кассиръ все не появлялся. Раскалившаяся чугунная печка немилосердно пропекала спину невольнаго кассира и въ то-же самое время изъ поминутно открываемыхъ входныхъ дверей его обдавало притоками свѣжаго воздуха.

Было очевидно, что Зоя Платоновна совершенно забыла о своемъ поклонникѣ, и только бравый ротмистръ Гардесъ не забывалъ его.

— Вамъ, должно быть, ужасно жарко отъ этой чертовской печки,—говорилъ онъ съ соболѣзнованіемъ, подходя къ его кассѣ, и уже, черезъ нѣсколько минутъ, начиналъ удивляться, какъ онъ можетъ сидѣть на такомъ адскомъ сквознякѣ.

Иванъ Степановичъ просилъ каждаго проходящаго мимо кассы потребовать отъ Зои Платоновны его скорѣйшаго освобожденія, но та никакъ не могла отыскать ключъ отъ будки; что-же касается до ротмистра Гардеса, то онъ непрестанно появлялся у кассы, предлагая невольному кассиру то стаканъ шампанскаго, чтобы «освѣжиться», то рюмку коньяка, чтобы «согрѣться»...

Узналъ о невольномъ кассирѣ и его превосходительство, но ничего предосудительнаго въ этомъ не нашелъ; что-же касается до губернаторши, то она почему-то многозначительно пересмѣивалась съ драгунскимъ полковникомъ.

Очевидно, что и она была посвящена въ планы ротмистра Гардеса: вѣдь, дамы такъ любятъ покровительствовать чужимъ романамъ, особенно еще если есть и свой собственный романъ!

Послѣ окончанія спектакля, обжаренный и провѣтренный Иванъ Степановичъ получилъ требуемый ключъ, но оказалось, что Зоя Платоновна сейчасъ-же послѣ окончанія своего послѣдняго номера исчезла изъ Крутогорска.

Вскорѣ въ Злотовъ собрался и антрепренеръ Кулаковъ со своею труппою и бѣдные крутогорцы остались при пиковомъ интересѣ, а драгуны—при манежѣ!..

Объ одураченномъ Иванѣ Степановичѣ и говорить не стоитъ: онъ сталъ въ Крутогорскѣ притчею во языцѣхъ и добрые его пріятели не разъ высказывали ему свое удивленіе, почему онъ не продолжаетъ служить у Кулакова?

КОНЕЦЪ.

Сумерки.

Этюдъ **Андрея Ростовцева.**

КАКАЯ-ТО торжественная тишина въ лѣсу. Высокія сосны чутко застыли, какъ-бы прислушиваясь къ этой неподвижной тишинѣ.

Тонкая струя смолистаго запаха дрожитъ въ воздухѣ.

Вечеръетъ. Заходящее солнце золотитъ стройныя сосны своими прощальными лучами. Сквозь сѣть свѣсившихся вѣтвей видно ясное и прозрачное, какъ стекло, небо.

Неторопливою рысцою плетется тощая лошаденка, таща крестьянскій тарантасъ, который скрипитъ и подпрыгиваетъ, бросая на лѣсную дорогу длинныя тѣни. Возница-крестьянинъ, съ исхудалымъ лицомъ, испещреннымъ замѣтными слѣдами оспы, и рѣденькою бородкою клинушкомъ, неустанно дергаетъ возжами, понукая лошаденку. Тонкое облачко пыли тянется за тарантасомъ. Заходящее солнце грѣетъ косыми лучами широкую спину возницы.

Андрей Михайловичъ полулежалъ въ тарантасѣ на спинѣ и задумчиво глядѣлъ вверхъ въ синее, съ неподвижными перистыми облачками, небо, которое бѣжало надъ его головою. На его красивомъ, нѣсколько блѣдномъ лицѣ, съ темными, точно бархатными глазами, окаймленномъ русою бородкою, играла улыбка. Грустные глаза глядѣли по сторонамъ. Чѣмъ-то дорогимъ, давно забытымъ повѣяло на него отъ родныхъ картинъ. Кончился лѣсъ и потянулись навстрѣчу колыхающіяся золотыя стѣны ржи. Въ воздухѣ почувствовалась свѣжащая струя близкой рѣки.

На одномъ изъ поворотовъ узкой лѣсной дороги обнажился крутой, обрывистый берегъ, озаренный снопами багроваго свѣта.

Рѣка, заключенная въ зеленые берега, словно дремлетъ. Низко-низко къ сонному берегу бѣжитъ мелкій кустарникъ, купаясь своими вѣтвями въ тихой водѣ. Неслышно шумитъ камышъ. На песчаномъ обрывѣ пріютилась ветхая избенка паромщика со слѣпыми окнами и низенькой дверью.

Оврагъ густо заросъ мохнатыми елями. Въ невысокой травѣ тамъ и тутъ пестрѣютъ голубые колокольчики.

Затихшая свѣтлая даль воды сливается съ небомъ и напоминаетъ кусокъ голубого бархата.

Вода, кажется, не движется. Спокойная и безстрастная, она словно уснула и только блеститъ, какъ гигантское зеркало, въ которомъ отражаются угрюмыя береговыя сосны. Надъ рѣкою виситъ какой-то прозрачный туманъ; дрожащій и трепещущій, онъ словно тончайшею, невидимою тканью покрываетъ тихія воды.

Молчитъ сонный лѣсъ, заключающій серебристую даль рѣки въ рамки...

Возница отпустилъ возжи и лошадь свернула знакомою дорогою въ сторону, на кустарникъ. Неуклюжій, рыжій мужи-

чонка бросилъ возжи, слѣзъ съ телѣги и, приложивъ руки ладонями ко рту, крикнулъ громко:

— Да-ава-ай па-а-аро-омъ!

Звуки его сильнаго голоса, казалось, подпрыгивая, побѣжали по сонной рѣкѣ и замерли на противоположномъ берегу.

Видно было, какъ около парома выросла человѣческая фигура, и скоро паромъ уже плылъ по рѣкѣ, приближаясь со скрипомъ и легкимъ плескомъ воды.

Паромщикъ въ красной ситцевой рубахѣ, съ открытыми мускулистыми руками, ловко правилъ паромомъ.

Подъѣхавъ къ берегу, онъ снялъ засаленную мѣховую шапку и, обнаживъ свою сѣдую голову, съ улыбкою проговорилъ:

— Къ спѣху, видно, барину. Вмигъ переправимъ,— обычное дѣло.

Старческіе, выцвѣтшіе глаза смотрѣли хитро. Тихо поплылъ паромъ, прорѣзывая, словно крыльями водяной птицы, гладь рѣки. Вода плескалась, напоминая торопливый, сдержанный говоръ.

На другомъ берегу опять побѣжала скучная дорога. Стукъ лошадиныхъ копытъ, казалось, будилъ какой-то глухой, неясный шепотъ среди угрюмаго болотистаго мелколѣсья, съ чахлыми деревцами.

Андрей Михайловичъ, лежа среди вороха соломы, дремалъ въ телѣгѣ...

Сгущаются сумерки осенняго вечера.

Вотъ уже совсѣмъ близко уѣздный городишко съ кривыми улицами и крохотными домиками.

Воображеніе рисуетъ Андрею Михайловичу глухую улицу на одной изъ окраинъ маленькаго соннаго городка, домикъ, крытый черепицей. На окошкѣ горшки герани и кактусовъ. А тамъ, внутри, чистенькія комнатки. Крашеный полъ устланъ дорожками изъ парусины, старинная мебель въ бѣлыхъ чехлахъ, книжный шкафъ, портреты въ золоченыхъ почернѣвшихъ рамкахъ, старенькое піанино съ темно-желтыми клавишами. Отъ всей этой обстановки вѣетъ покоемъ, тишиной. Въ креслѣ съ высокой деревянною спинкою, съ неизмѣннымъ вязаніемъ на колѣнахъ старушка-мать.

Или она пасьянсъ раскладываетъ растрепанными картами и думаетъ о немъ, о сынѣ далекомъ, затерявшемся въ туманной столицѣ...

Скоро усталая лошадь флегматично плелась по тихой улицѣ, повременамъ вздрагивая всѣмъ своимъ тощимъ тѣломъ. Предъ крохотными покосившимися домиками, въ садикахъ чинно построились старыя яблони, развѣсистые каштаны, отъ которыхъ тянутся вечернія тѣни. Простые и незатѣйливой архитектуры домики съ неуклюжими фасадами, зелеными ставнями, погрузились въ тихую дремоту. Кругомъ та провинціальная тишь, которая напоминаетъ скучный сонъ заколдованнаго царства. Легкій порывъ вѣтерка колышетъ вершину гиганта-каштана съ лапчатою листвою, въ которой уже мелькаютъ первые желтые листья и, кружась, какъ пестрыя бабочки, падаютъ на тихую улицу.

Темные астры и георгины, старомодные «анютины глазки» пестрятъ въ маленькомъ садикѣ.

— Все тѣ-же цвѣты та-же милая, милая тишь и скука милаго уголка,— тихо и задумчиво прошепталъ Андрей Михайловичъ, когда тарантасъ подъѣхалъ къ крыльцу маленькаго домика; сердце его учащенно билось отъ волненія.

Онъ быстро толкнулъ скрипучую калитку и поднялся на крыльцо. Заскрипѣли половицы подъ его ногами. Тронулъ за рукоятку дверей—въ отвѣтъ тамъ, за дверью, послышался шорохъ, потомъ колыхнулась занавѣска оконца, въ которое выглянула сѣдая голова въ чепцѣ. Быстро задернулась занавѣска и уже послышались торопливые шаги. Распахнулась дверь, обитая клеенкою, и показалась фигура старушки, которая уже ловила голову Андрея Михайловича дрожащими руками.

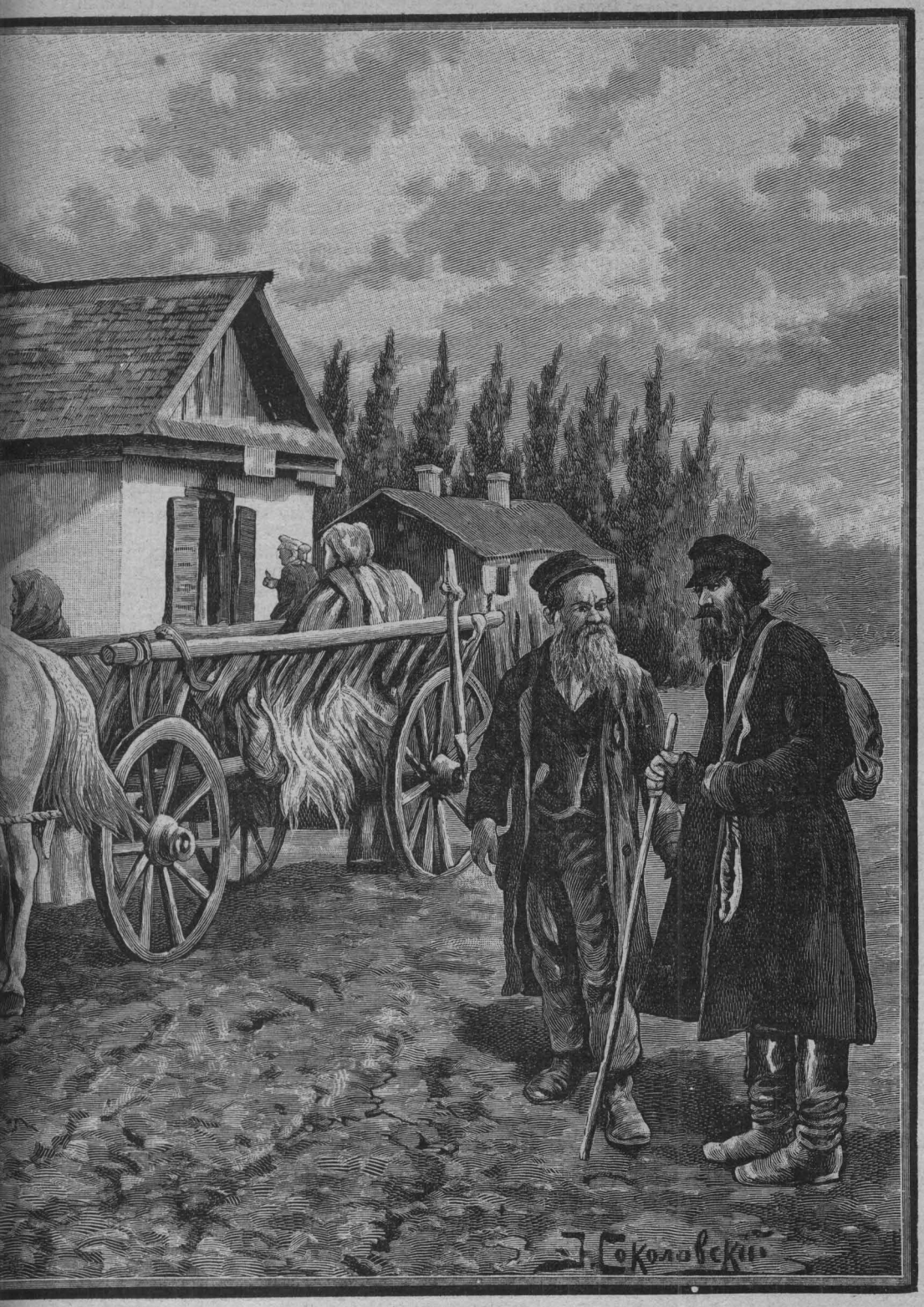
— Соколикъ мой... вотъ радости-то, наконецъ, дождалась.. не забылъ, мой сыночекъ, въ моемъ тоскливомъ одиночествѣ,— шепчутъ трясущіяся отъ волненія старческія губы...

ДѢЛОВОЙ РАЗГОВОРЪ. Оригин. рисун. Э. Со

Уютную комнатку освѣщаетъ лампа своимъ мягкимъ свѣтомъ. Старинные стулья краснаго дерева съ выцвѣтшими ситцевыми сидѣніями, старая софа—все это разставлено въ строгомъ порядкѣ. Портреты и гравюры подъ стекломъ смотрятъ изъ своихъ рамокъ, какъ-будто улыбаясь, и вся окружающая обстановка, кажется, приняла радостный видъ.

Рябая кухарка Маланья внесла въ комнату ярко вычищенный самоваръ, густыя сливки (Вѣра Павловна знаетъ, что сынъ любитъ чай съ густыми сливками).

— Ну, разсказывай, радость моя, какъ живъ, какъ здоровъ?.. Ужъ и обрадовалъ ты меня, старушку... тосковала я... дни, часы считала, давно тебя не было... гдѣ-жъ тебѣ, столичному жителю, было вырваться. И потомъ, вѣдь, скучно со старушкою въ этомъ захолустьѣ... Не правда-ли? Охъ, видно, такой-же вѣтеръ остался!—шутливо продолжаетъ старушка.



вскаго; гравир. для „Родины“ **П. Юревичъ**

Однотонно тикаютъ часы на выступѣ бѣлѣющей изразцовой печки.

— А Аня-то рада будетъ видѣть тебя... она часто заходитъ ко мнѣ, жалѣетъ меня, старушку,—съ неизъяснимою лаской въ голосѣ говоритъ Вѣра Павловна.

Андрей Михайловичъ также улыбается, когда мать произноситъ имя «Аня». Ему кажется, что вотъ-вотъ войдетъ въ комнату та смугленькая, черноглазая Аня, которую онъ видѣлъ въ послѣдній разъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, и онъ нерѣшительно роняетъ:

— Что, мама, Анна Владиміровна все время здѣсь, у васъ?

— Здѣсь, здѣсь, сыночекъ... матушку похоронила... трудящаяся дѣвушка, учительствуетъ... Добрая, сердечная она, меня, старухи, не забываетъ!

Андрей Михайловичъ погружается въ раздумье.

Вѣра Павловна подливаетъ сыну сливокъ, любовно приговаривая:

— Вотъ радость-то нежданная, негаданная... а ужъ Аня рада будетъ... Вѣдь, всегда ладили вы.

Морщинистое, добродушное лицо, кажется, помолодѣло. Старческія губы трясутся отъ волненія и прозрачныя, худыя руки неустанно хлопочутъ на столѣ.

Андрей Михайловичъ всталъ и подошелъ къ раскрытому піанино, съ любопытствомъ разсматривая брошенныя ноты. Онъ вопросительно взглянулъ на мать, которая опять вся встрепенулась и скороговоркою проговорила:

— Это Аня... она все тутъ у меня... играетъ... Сейчасъ, пожалуй, послать за нею? Какъ ты думаешь, Андрей?

Маленькая старушка говоритъ своимъ тихимъ, пѣвучимъ голосомъ, въ которомъ слышится какая-то трогательная доброта. Торопливою, старческою походкою она выбѣжала къ Маланьѣ и шепнула ей что-то на ухо. Она не умѣетъ приказывать, а все проситъ, ласково, застѣнчиво и при этомъ всегда такъ суетится...

Дверь открыли тихо-тихо, какъ это свойственно нервнымъ людямъ, боящимся всякаго шума, и въ комнату, какъ тѣнь, проскользнула женская фигура. Ея лицо немного разрумянилось, волосы красиво ложатся надъ узкимъ лбомъ, глаза тихи, печальны.

Андрей Михайловичъ быстро всталъ и молча поцѣловалъ протянутую руку. У Анны Владиміровны вырвался какой-то сдавленный крикъ, въ которомъ сказались и радость, и испугъ:

— Андрей Михайловичъ! Андрюша... Вы здѣсь... Какая неожиданность!

Андрей Михайловичъ окинулъ ее бѣглымъ мягкимъ взглядомъ. Боже, какъ она состарилась!

Морщины тонкою сѣтью легли на лицѣ, ихъ видно даже при свѣтѣ лампы... утрачена свѣжесть молодости. А давно-ли это была свѣжая, хорошенькая двадцатилѣтняя Аня?.. Тогда имъ обоимъ жизнь рисовалась въ яркихъ краскахъ: ему—пылкому юношѣ-студенту, и ей, только что окончившей гимназію и мечтавшей о курсахъ, о повышенной, полной идейнаго содержанія жизни.

Въ ея равнодушно-усталомъ взглядѣ проглядываетъ теперь тотъ холодъ жизни, который своимъ дыханіемъ уничтожаетъ привлекательность юности.

Чай былъ отпитъ. Всѣ сидѣли, не двигаясь, какъ-бы застывъ. Казалось, ихъ души слились въ чувствѣ глубокаго покоя, который иногда не хочется нарушить ни единымъ словомъ.

Андрея Михайловича нѣсколько смущала серьезная сдержанность Анны Владиміровны.

— Какъ славно, какъ тихо у васъ здѣсь, въ мирномъ уголкѣ!—тихо уронилъ онъ, словно боясь своихъ собственныхъ словъ.

Анна Владиміровна не отвѣтила ничего и только задумчиво смотрѣла въ свой стаканъ, лѣниво играя ложечкою.

Вѣра Павловна, усталая отъ волненій, тихо дремала. Она вдругъ очнулась, поднялась изъ своего кресла и, сладко зѣвнувъ, ласково поцѣловала сына и Анну Владиміровну.

— Мнѣ пора спать, а вы, дѣтки, натолкуетесь еще вдоволь,—произнесла она своимъ тихимъ голосомъ, въ которомъ чувствовалась опять эта торопливая, неподдѣльная ласка.

Въ маленькомъ садикѣ шумитъ старый каштанъ какими-то мягкими, шелковыми аккордами и вѣтками стучится въ окно.

Андрей Михайловичъ видѣлъ, какъ голова Анны Владиміровны тихо склонилась на грудь, и въ душу его стучится безконечная, тихая печаль. Ему въ это мгновенье не хотѣлось разбирать аналитически, что происходило въ душѣ Анны Владиміровны, а только положить голову на ея грудь, цѣловать руки близкаго глубоко несчастнаго существа.

— Аня... Вы... ты... несчастлива, ты оскорблена жизнью?—вкрадчиво произнесъ его тихій шепотъ.

Анна Владиміровна, покраснѣвъ, подняла на него испуганный взглядъ и нервно усмѣхнулась:

— Не знаю! Въ нашемъ городѣ есть даже люди, которые завидуютъ моему тихому покою и счастью, что-ли... У меня школа, дѣти... я втянулась... А ты, Андрюша? такимъ-же остался мечтателемъ?

— Эхъ, Аня, плохо быть мечтателемъ, такимъ, какимъ я былъ когда-то... Помнишь еще наши славныя мечты?

— Помню, помню!—тихо, еле слышно роняетъ Анна Владиміровна и какъ-будто ее въ эту минуту что-то кольнуло въ сердце больно, больно...

Настаетъ большая пауза и слышно опять, какъ на тихой улицѣ вѣтеръ шевелитъ вершины стараго каштана и будто-бы съ грубою струею холода въ маленькую комнату вползли тоскливыя, черныя, какъ ночь тамъ за окномъ, мысли...

— Мечталъ я много въ жизни,—тихо продолжаетъ Андрей Михайловичъ,—но не сбылись мечты, жизнь обманула. Я искалъ счастья и потомъ забытья, но ни того, ни другого въ жизни не нашелъ... Бывало, тамъ, въ столицѣ, подъ трынканье гитары въ скромной студенческой обители такъ славно мечталось... Но теперь не вѣрю я больше въ красоту жизни, проза и мелочи ея отняли все. Я любилъ, страдалъ... тебя, Аня... любилъ. Быть можетъ, былъ-бы счастливъ, если-бы я протянулъ къ тебѣ руку... помнишь, я кончалъ курсъ... Теперь эта мысль часто меня гложетъ... Скажи... ты пошла-бы тогда за меня?

Анна Владиміровна смотритъ на него большими, расширенными глазами.

— Не пошла-бы, Андрюша! — вырывается у нея глухой стонъ,—я любила, крѣпко любила, но боялась, хотя и видѣла твое искреннее увлеченіе, боялась, что ты разочаруешься, наступитъ реакція. Твоя пылкая натура требовала простора, тебѣ нуженъ былъ высокій полетъ... Я боялась, что не дамъ тебѣ ничего, жаль было разбивать двѣ жизни. А потомъ какъ я жалѣла, расплачивалась годами страданій! Вѣдь, юная головка была еще полна неясныхъ сновъ, но мечты тихо угасали. Я была молода, а въ душѣ носилась смерть. Я боролась, я рвалась къ любви, напоминавшей мнѣ солнце, свѣтъ, ароматъ цвѣтовъ. Я съ трепетомъ прислушивалась къ неясной мелодіи, которая трепетала въ какомъ-то затаенномъ уголкѣ моего сердца... Какъ туманъ расплывается, какъ звукъ мимолетный замираетъ, такъ все это давно прошло, обмануло. Безнадежныхъ слезъ моихъ, одинокихъ ночей никто не видѣлъ, когда я рвалась къ желанной ласкѣ,—жила милыми воспоминаніями о тебѣ. Я слѣдила за твоими успѣхами тамъ, въ далекой туманной столицѣ. Первый томикъ твоихъ милыхъ стихотвореній, прилетѣвшій, какъ ласковая вѣсточка отъ тебя, въ нашу провинціальную глушь, онъ говорилъ мнѣ многое. Въ немъ было столько дорогого, завѣтнаго для меня, что на мигъ безслѣдно исчезли мои страданія. Милыя страницы будили тонкія, незримыя струны души, усмиряли смятенную, будничную пошлость... Какой только не приходилъ тогда въ голову милый взоръ... даже стыдно было... Что-то втягивало меня, жутко становилось... Я ловила жадными устами въ пространствѣ твой образъ, искала твои губы, обсыпала тебя жгучими ласками. Но мало-по-малу я поняла, что теряю тебя... Я видѣла, какъ петля моей жизни затягивалась туже и туже. Потекли сѣрыя будни, безъ проблеска и свѣта. Я искала и, казалось, нашла забвеніе въ скромной роли учительницы. Пришлось похоронить свое собственное «я» на томъ клочкѣ, который отмежевала мнѣ судьба. Все глохло во мнѣ. Хотѣлось уснуть и больше никогда не просыпаться. Я жила сѣренькой жизнью, неприглядной, безъ ласки и участія и уже не молила у судьбы счастья, а только забвенья. Пойми, Андрюша, всякая женщина, которая ищетъ спасенія на аренѣ труда—значитъ, вся растеряна, сбита съ пути и выхода ей нѣтъ. Женщина рождена для любви, и кипучая общественная дѣятельность, въ которой она ищетъ забвенья, это — послѣдній этапный пунктъ на пути къ безнадежности.—Анна Владиміровна все время смотрѣла робко, нѣжно и тихо продолжала:—но къ чему тревожить тѣнь минувшаго, къ чему будить то, чему нѣтъ возврата?.. Прости меня, дорогой, за этотъ скорбный и скучный вопль!

Андрей Михайловичъ угрюмо молчалъ. Какой-то холодъ, пугающій, давящій, вползалъ въ душу. Ему до боли жаль было эту милую, сердечную дѣвушку. Ему сразу страстно захотѣлось приласкать ее, утѣшить...

Анна Владиміровна тихо поднялась и подошла къ раскрытому піанино. Послышался первый робкій ударъ по клавишамъ, потомъ дребезжащіе, жалобные аккорды. Оно заговорило звуками сильно и правдиво. Въ нихъ плакала осиротѣвшая, исполненная скорби душа...

Андрей Михайловичъ слушалъ, и звуки тоскливой пѣсни отозвались тяжелымъ укоромъ въ его сердцѣ. Въ головѣ проносились мысли одна другой мучительнѣе, безсвязнѣе, и у него вдругъ вырвался тяжкій стонъ: «Аня!».

Онъ всталъ и наклонился черезъ плечо Анны Владиміровны, которая вдругъ почувствовала его сухія, воспаленныя губы. Она откинулась назадъ и неподвижно застыла съ закрытыми глазами. Забыта была въ эту минуту ненавистная ей школа, гдѣ ей давнымъ-давно стали противны дѣтскія лица и вся школьная обстановка. Забыта была накипѣвшая горечь. Она вдругъ рванулась впередъ, закинула ему руки за голову. Какая-то дикая жажда жгучихъ ласкъ сковала ея мысли и чувства и она впилась губами въ его губы, цѣловала въ какомъ-то дикомъ опьянѣніи его лицо, волосы, глаза.

Внутри все ликовало, горѣло.

Потомъ она, вздрагивая, тихо заплакала. Какой-то жгучій шепотъ сорвался съ ея губъ:

— У насъ нѣтъ больше вѣры и смѣлости. Поздно... Мы оба одинаково одиноки... жизнь прошла... впереди... будни сѣрыя... сгущаются эти сумерки... а тамъ... и ночь близка...

А за окномъ, крадучись, осенній вечеръ незамѣтно переходилъ въ ночь съ быстро наступающимъ мракомъ.

Чаще застучали дождевыя капли по стеклу оконъ, создавая какой-то грустный, за душу хватающій напѣвъ. Шумятъ въ саду старыя липы, стучась вѣтками въ окно, словно мокрыми крыльями испуганной птицы.

КОНЕЦЪ.

Прощанье.

Безполезны слова тутъ участья,
Даже больше, смѣшны здѣсь они—
Не вернуть намъ погибшаго счастья,
Не вернуть намъ прошедшіе дни!
Воскрешать мертвецовъ невозможно,—
И къ чему, для чего воскрешать?
Вновь сойтись намъ—все будетъ въ насъ ложно:
Мы умѣемъ таиться и лгать.
И лѣта наши стали другія:
Посмотри—волоса въ серебрѣ,
Такъ оставимъ мечты всѣ пустыя,
Что намъ мая искать въ октябрѣ?

М. Карауловъ.

КРУШЕНІЕ.

Повѣсть

Вал. Я. Свѣтлова.

(Продолженіе.)

ТОЧНО два крыла взмахнули предъ Кедринскимъ. Онъ различилъ въ темнотѣ передней двѣ длинныя, тощія руки, дѣлавшія ему знакъ замолчать. И мало-помалу изъ тьмы выплылъ ненавистный ему тощій образъ Татьяны Васильевны.

— Тс!—прошипѣла она, схватила его за руку и потащила за собой въ отдаленную комнату квартиры.

Онъ вздрогнулъ отъ этого прикосновенія холодныхъ и влажныхъ рукъ и ему показалось, что онъ коснулся жабы.

Онъ выдернулъ свои руки изъ этихъ костлявыхъ пальцевъ и пошелъ вслѣдъ за ней, стараясь ступать осторожно, чтобы не надѣлать шума. Но въ корридорѣ онъ задѣлъ шпорой о сундукъ и произвелъ нѣкоторый шумъ, еле слышный, но среди этой гробовой тишины, показавшійся чуть не раскатомъ грома.

И опять надъ его ухомъ раздалось укоризненное шипѣніе:

— Тс...

Они пришли въ комнату.

Это была небольшая комната безъ ковра, съ ярко навощеннымъ паркетомъ, съ плотно завѣшанными окнами—сверху темно-синія шторы, вдоль всего окна свѣтло-синіе витражи изъ матеріи и съ потолка до полу тяжелыя зеленыя портьеры, какъ-будто обитательница комнаты привыкла жить въ норахъ и логовищахъ и страшно боится малѣйшихъ признаковъ свѣта. Въ комнатѣ стоялъ сине-зеленый полумракъ, странно мѣшавшійся съ тяжелымъ запахомъ не то лѣсной воды, не то аптеки, который какъ-будто составлялъ съ нимъ одно цѣлое.

— Садитесь,—раздался глухой голосъ Татьяны Васильевны.

Иванъ Петровичъ оглядѣлся, постарался привыкнуть къ странному освѣщенію и запаху, кружившему ему голову.

Изъ этого сине-зеленаго полумрака выплыло предъ нимъ зеленовато-блѣдное лицо Татьяны Васильевны, одѣтой во все что-то узкое, длинное и черное.

„Господи,—подумалъ Кедринскій,—ужъ не умеръ-ли отецъ!“

— Что съ отцомъ?—началъ Иванъ Петровичъ раздраженнымъ тономъ, потому что еще съ дѣтства одинъ видъ Татьяны Васильевны приводилъ его въ раздраженіе.

Татьяна Васильевна вздохнула, но не просто, а какъ-то многоэтажно, въ три пріема, съ какими-то придыханіями, потомъ махнула въ воздухѣ длинной рукой и покачала головой.

— Плохо, очень плохо,— проговорила она глухо.

И тотчасъ-же Иванъ Петровичъ понялъ, что она преувеличиваетъ, какъ всегда и во всемъ, по вѣчной своей привычкѣ превращать комедію въ драму, драму въ трагедію и все вообще въ мелодраму, со всевозможными эффектами.

Онъ вглядѣлся въ это лицо—блѣдное, узкое, уже далеко-далеко не молодое, съ рядами долевыхъ и поперечныхъ морщинъ на лбу, вокругъ глазъ и губъ, но все еще довольно красивое по рисунку и линіямъ. Гладко расчесанные, сильно посѣдѣвшіе волосы подъ черной кружевной наколкой обрисовывали ея высокій лобъ; густыя брови словно бросали тѣнь на ея худое лицо; губы плотно сжаты и безкровныя уши — прозрачныя, безъ кровинки. И только большіе жгучіе, черные, все еще удивительно-красивые глаза смотрѣли съ выраженіемъ жгучей, недоброй силы, таившейся въ нихъ.

И въ душѣ Ивана Петровича подымалась отъ этого взгляда прежняя ненависть, забытая старая злоба къ этой женщинѣ.

Они никогда не ладили. Съ самаго дѣтства Ивана Петровича они чувствовали другъ къ другу ничѣмъ непобѣдимую антипатію. Иванъ Петровичъ росъ, превращался изъ ребенка въ юношу, изъ юноши во взрослаго, и съ нимъ росла эта ненависть.

Онъ уже не могъ сдержать накипѣвшее и наросшее въ немъ раздраженіе. Что-то глухо и гулко клокотало въ немъ и искало исхода.

— Говорите просто и ясно, въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

Она было опять замахала на него руками, но онъ топнулъ ногой и воскликнулъ:

— Ахъ, да оставьте вы эти фокусы! Я, вѣдь, знаю, что изъ этой комнаты ничего не слышно, хотя-бы мы съ вами кричать стали. Отецъ очень боленъ?

— Страшно... И я удивляюсь вашему легкомысленному тону...

— Сдѣлайте одолженіе, удивляйтесь. Что-же съ нимъ такое?

— У него разлитіе желчи.

— Ну... — протянулъ Иванъ Петровичъ, — это ужъ, можетъ быть, и не такъ важно...

Она всплеснула руками.

— Я узнаю васъ,— криво усмѣхнувшись, сказала она.— Я не ожидала, что вы пріѣдете. Развѣ вы знали о болѣзни Петра Петровича?

Онъ заморгалъ глазами.

— Я получилъ письмо...

Лицо ея судорожно покривилось.

— Письмо? Отъ него?

— Да, отъ него...

— Вотъ какъ!.. А я и не знала...

И тутъ Иванъ Петровичъ понялъ свою ошибку. Очевидно, отецъ улучилъ минутку и написалъ самъ потихоньку отъ нея письмо. Ея система — Иванъ Петровичъ зналъ это — состояла въ томъ, чтобы всегда становиться стѣной между отцомъ и сыномъ и всячески удалять ихъ другъ отъ друга.

„Бѣдный отецъ,—подумалъ онъ,—я его выдалъ“...

— Во всякомъ случаѣ,— начала она кислымъ тономъ, — это вы виноваты въ его болѣзни.

— Неужели? Почему-же это я, а, напримѣръ, не вы? — насмѣшливо проговорилъ онъ.

— Причемъ-же тутъ я? Какъ только бѣдный Петръ Петровичъ получилъ извѣстіе о томъ faux pas *), который вы рѣшились сдѣлать, онъ почувствовалъ себя скверно. На другой-же день у него разлилась желчь.

— Нѣтъ, ужъ будемъ говорить по-русски,— обозленно сказалъ Иванъ Петровичъ.— Что вы называете моимъ faux pas?

Она тоже начала раздражаться.

— То самое, что такъ называется. Это — ваша предполагаемая женитьба на... на этой... особѣ.

Глаза Ивана Петровича загорѣлись выраженіемъ гнѣва.

Онъ ударилъ рукой по столу и гнѣвно сказалъ:

— Я васъ прошу не касаться этого вопроса. Не вамъ разсуждать о немъ.

Но она не унималась.

---

*) Т. е., ложный шагъ.

Съ кѣмъ-нибудь ссориться, вѣчно кипѣть въ котлѣ непріятностей и дрязгъ для нея представляло самое значительное наслажденіе въ жизни.

— Сынъ такого отца не имѣетъ права совершить такой mésalliance *), — сказала она строго и, не давая ему времени возразить, продолжала: — я это говорю, какъ старый другъ вашей семьи, вашего дома, вашей покойной матушки. Я полагаю, что имѣю на это право.

Иванъ Петровичъ вдругъ вскочилъ со стула.

Глаза его налились кровью, въ вискахъ стучало, руки судорожно сжимались въ кулаки.

— Молчать! — не помня себя, хрипло проговорилъ онъ.

Татьяна Васильевна вся какъ-то еще больше позеленѣла и отступила на нѣсколько шаговъ вглубь комнаты.

— Молчать! — подходя къ ней, словно наступая на нее, повторилъ Иванъ Петровичъ. — Я запрещаю вамъ говорить о моей семьѣ, о моей матери! Въ особенности — о моей матери.

— Отчего? — высокомѣрнымъ тономъ, оглядывая его съ головы до ногъ, спросила она и тотчасъ-же, словно испугавшись, отошла за спинку кресла.

— Отчего?! Не заставляйте меня говорить это!

И онъ не могъ уже больше сдерживать себя. Старая, „вѣковая“, какъ онъ называлъ, ненависть, точно старыя дрожжи, забродила въ немъ и всколыхнула весь его организмъ.

— Отчего? — глухо заговорилъ онъ и почувствовалъ, что весь дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ. — Отчего? Оттого, что вы — злой геній нашей семьи! Оттого, что вы втерлись къ нашему домашнему очагу и разметали, и затоптали, и угасили его! Потому, что вы стѣной встали, глухой стѣной встали, сначала между моей матерью и моимъ отцомъ, потомъ между отцомъ и мной. Вы, одна вы отравили мнѣ жизнь съ самыхъ юныхъ лѣтъ. У всякаго самаго несчастнаго человѣка есть сладкія воспоминанія о своемъ дѣтствѣ. У меня ихъ нѣтъ, никогда не было! Вы, одна вы испортили наши отношенія съ отцомъ; вы принудили меня бросить Петербургъ и бѣжать въ глухую провинцію, потому что мнѣ горько, мнѣ больно было видѣть моего старика-отца, ослабѣвшаго и одряхлѣвшаго, и плясавшаго по вашей дудкѣ. Для чего дѣлали вы все это, вы, дальняя родственница моей матери, взятая въ домъ чуть не изъ милости, служившая ей компаньонкой и отравлявшая ей по часамъ и минутамъ жизнь? Чтобы завладѣть отцомъ? Вы знали, что моя мать страдала неизлечимой болѣзнью и... Богъ — вамъ судья! Вы дѣлали все, чтобы ускорить ея смерть. Для чего? Чтобы получить деньги отца? Что вы съ ними будете дѣлать? Отдадите такимъ-же ханжамъ, какъ вы, сдѣлаете вклады въ монастыри? Потому что... для чего вамъ деньги? Вы — старуха... Молчите, я еще не кончилъ! Я знаю, вы забрали въ руки отца. Вы возстановили его противъ меня. Вы заставили его продать имѣніе, чтобы онъ могъ свободно распоряжаться деньгами. Вы — преступница, а не другъ семьи, какъ вы нагло увѣряете. И да будьте вы прокляты, прокляты, прокляты, гнусная женщина!..

Иванъ Петровичъ задыхался и слова вырывались изъ его горла, словно сдавленныя тисками.

Онъ за минуту до этого аффекта не зналъ, что заговоритъ такъ. Но одинъ видъ ея, противный ему съ дѣтства, заставилъ прихлынуть волной къ его душѣ всѣ его злыя чувства.

*) Т. е., неравный бракъ.

Она стояла предъ нимъ спокойная, тайно торжествующая, точно изваяніе изъ кости и чернаго дерева. Она сознавала свою силу и мощь надъ нимъ. Недаромъ въ теченіе долгихъ, долгихъ лѣтъ она работала надъ этимъ дѣломъ, завоевывая шагъ за шагомъ свое положеніе.

Но надо было сказать что-нибудь.

И Татьяна Васильевна сказала, еле раскрывая свои безкровныя губы:

— Я не уважаю людей, которые оскорбляютъ женщину.

Онъ приподнялъ съ пола стулъ и съ силой хлопнулъ имъ по паркету.

Постучались въ дверь.

Вошелъ лакей.

— Его превосходительство проситъ васъ къ себѣ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Ивану Петровичу.

Въ спальнѣ отца былъ полумракъ, когда вошелъ туда Иванъ Петровичъ.

Онъ не нашелъ отца такимъ плохимъ, какъ ему говорили.

Отецъ сидѣлъ въ глубокомъ и высокомъ креслѣ, одѣтый въ халатъ, съ пледомъ на колѣнахъ. Лицо его имѣло нѣсколько утомленный видъ и желтовато-блѣдную окраску.

— Здравствуйте, папа, — сказалъ ему Иванъ Петровичъ, цѣлуя его.

— Здравствуй. Ну вотъ, пріѣхалъ... видишь, боленъ...

И тотчасъ-же что-то безпокойное забѣгало въ глазахъ старика и, онъ спросилъ:

— Давно пріѣхалъ? Видѣлся-ли съ Татьяной Васильевной? Отчего мнѣ сейчасъ-же не сказали?

— Мнѣ сообщили, что ты спишь.

Старикъ раздраженно сказалъ:

— И не думалъ! Я слышалъ какіе-то шаги, топотъ, но я не зналъ, что это ты пріѣхалъ. Это было недавно. Ты, надѣюсь, у меня остановился?

— Нѣтъ, папа, — смущенно отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, — не у васъ. Я остановился въ гостиницѣ.

Лицо больного сморщилось въ недовольную гримасу и, съ глубокой укоризной въ голосѣ, онъ сказалъ:

— Зачѣмъ? Развѣ у меня мало мѣста? Пора-бы оставить эти старыя отношенія, Иванъ! Ты всегда относился ко мнѣ, какъ къ врагу...

— Папа!

— Да, да! Наши отношенія были ненормальны. Это — не отношенія сына къ отцу. Я — не чужой, я — не врагъ тебѣ, а отецъ. А ты...

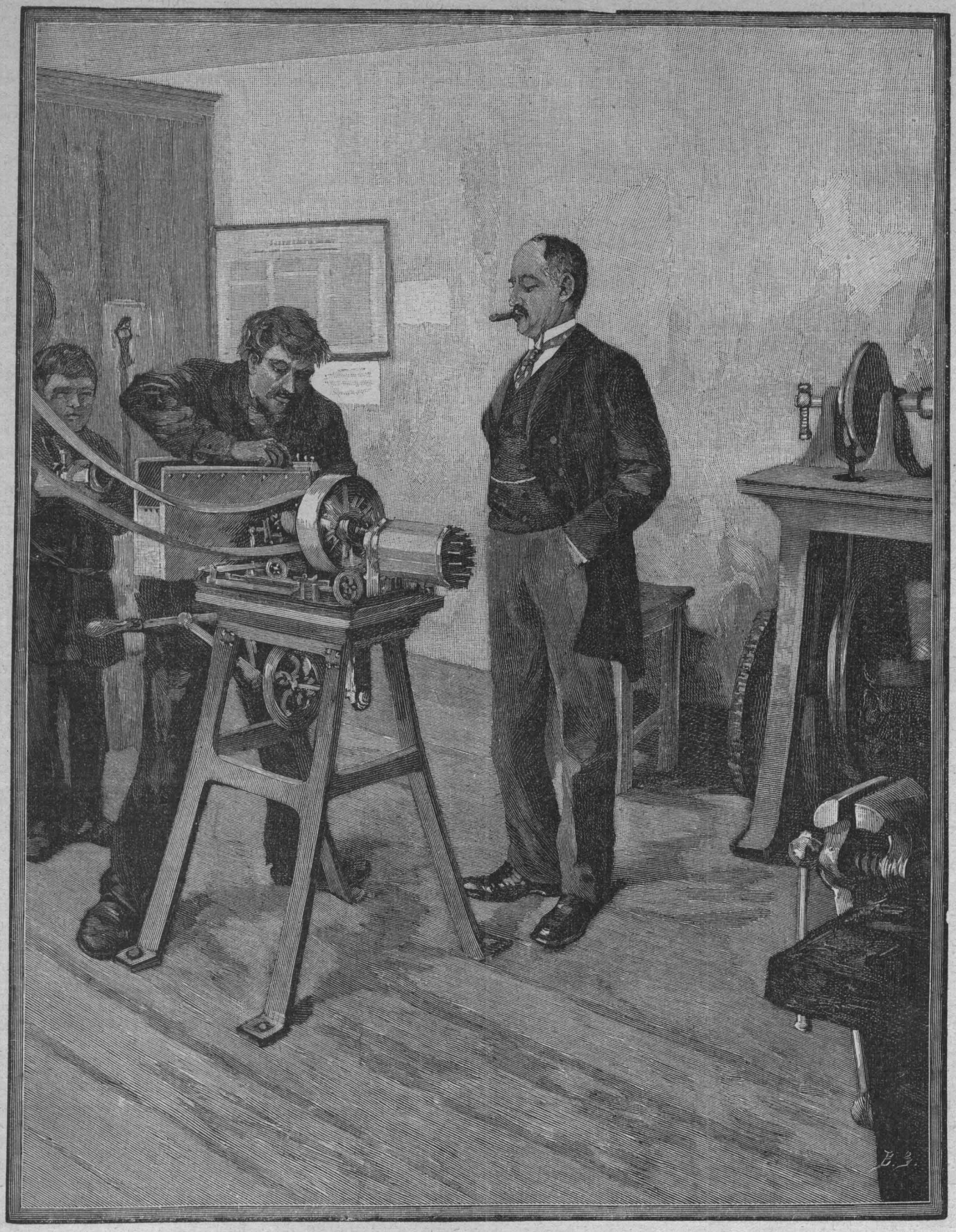
Онъ махнулъ рукой и закрылъ глаза.

Ивану Петровичу было до глубины души жалко этого старика. Да, это — его отецъ; когда-то, въ юности, онъ очень любилъ отца. По мѣрѣ возраста, росла-бы и эта любовь. Но кому-то невыгодно было, чтобы онъ любилъ отца и чтобы тотъ платилъ ему тѣмъ-же, и ихъ отношенія нарушили.

Отца онъ нашелъ теперь не очень больнымъ, но какъ-то ослабѣвшимъ, осунувшимся и опустившимся. Какая-то робость въ его взорѣ непріятно дѣйствовала на Ивана Петровича.

Иванъ Петровичъ чувствовалъ потребность оправдаться, сказать что-нибудь утѣшительное, пріятное, но, какъ онъ ни думалъ, не приходило на умъ ничего такого, что не вызвало-бы немедленно непріятныхъ пререканій

— Я согласенъ съ этимъ, — сказалъ онъ, наконецъ, — но это было, когда мы жили вмѣстѣ; теперь, когда мы на разныхъ концахъ Россіи, я тебя больше



ИЗОБРѢТАТЕЛЬ И КАПИТАЛИСТЪ. Съ картины **И. А Владимірова** гравир. для „Родины“ **В. Зубчаниновъ.**

не раздражаю и отношенія между нами не могутъ быть худыми.

Это было сказано неудачно и Иванъ Петровичъ тотчасъ-же это почувствовалъ.

— Отношенія между отцомъ и сыномъ всегда должны быть нормальны,—открывъ глаза, сказалъ старикъ.—Но бросимъ говорить объ этомъ. У насъ есть нѣчто болѣе важное. Скажи... этотъ бракъ—дѣло рѣшенное?

Иванъ Петровичъ кивнулъ головой.

— Какъ все, что тобою рѣшается? Безповоротно?

— Да.

— Ахъ, Иванъ, Иванъ!—чуть не со стономъ вырвалось у старика.—Странная вы молодежь нынче! Какъ-то все у васъ внезапно, сразу, необдуманно... Мнѣ писалъ твой командиръ полка. Онъ правъ, что не разрѣшаетъ этого брака. Ни по происхожденію, ни по профессіи она не годится тебѣ въ жены... Познакомился-ли ты тамъ съ Обровской, Ниной? Да? Вотъ на кого я расчитывалъ. Это тебѣ—невѣста. Ты видишь, я говорю прямо. Она умна, красива, богата, немного оригинальна, но добра, очень добра сердцемъ. Отличная была-бы тебѣ пара...

Но Иванъ Петровичъ уже негодовалъ.

— Отецъ,—сухо сказалъ онъ,—только къ сапогу можно подбирать пару, а не къ человѣку. Можно найти женщину еще совершеннѣе Обровской и описать всѣ ея достоинства и добродѣтели, какъ ихъ описываютъ въ товарахъ. Но въ выборѣ жены все это не имѣетъ значенія. Тутъ нужно нѣчто другое. Нужно, чтобы было чувство, влеченіе, основанное... я не знаю, на чемъ—на тайномъ сродствѣ душъ, что-ли...

— Какой романтизмъ...—сказалъ старикъ, а затѣмъ безпокойно задвигался въ креслѣ и спросилъ: — ты уже видѣлся съ Татьяной Васильевной?

— Да, да, — недовольнымъ, угрюмымъ тономъ сказалъ Иванъ Петровичъ. — И вотъ почему я не остановился у тебя,—вырвалось у него неожиданно.

Старикъ болѣзненно поморщился.

— Пора-бы оставить и эти старыя дрязги,—строго сказалъ онъ.—Ты несправедливъ къ этой женщинѣ. Она всегда была другомъ нашей семьи. Другъ мой! Если-бы не она, кто-бы теперь, въ старости, ухаживалъ за мною?

— Кто? — съ загорѣвшимися глазами, страстно спросилъ Иванъ Петровичъ.—Кто? Я, папа. Развѣ я покинулъ-бы тебя, если-бы не она? Я и моя жена... если-бы я женился.

— Ты не любишь ея, ты никогда не любилъ ея...

— Никогда!—твердо проговорилъ сынъ.

— А она всегда заботилась о тебѣ, всегда любила тебя.

— Да!—насмѣшливо сказалъ Иванъ Петровичъ.— Я въ этомъ имѣлъ случай убѣдиться сегодня.

— Вы уже успѣли поссориться?

Иванъ Петровичъ хотѣлъ отвѣтить, когда въ комнатѣ раздались чьи-то крадущіеся, словно кошачьи шаги. Онъ сейчасъ-же узналъ эти шаги. Это была она, Татьяна Васильевна, потому что никто такъ воровски, такъ предательски не могъ ступать, какъ она.

— Я вамъ не мѣшаю? — раздался вкрадчивый голосъ.

На лицѣ старухи промелькнуло выраженіе не то безпокойства, не то испуга.

— Нисколько, нисколько, другъ мой,—поспѣшилъ сказать старикъ Кедринскій.

И по этому выраженію лица, больше чѣмъ по словамъ, Иванъ Петровичъ понялъ, насколько эта женщина овладѣла его отцомъ.

Иногда незначительное измѣненіе лица, мгновенно мелькнувшее выраженіе глазъ больше говорятъ наблюдательному человѣку, чѣмъ десятокъ словъ. Этотъ безпокойный и испуганный взглядъ былъ блескомъ молніи, которая въ темную ночь освѣтитъ вдругъ окрестность и вырветъ изъ ея тьмы то, что скрывается въ ней, и то, что даетъ истинное представленіе о мѣстности.

„Ну, здѣсь дѣло кончено“,—подумалъ Иванъ Петровичъ съ глубокой грустью.

— Завтракъ готовъ, — сказала она все тѣмъ-же слащаво-сдержаннымъ голосомъ.—Можно давать?

— Какъ знаешь, другъ мой.

— Я распоряжусь подать сюда круглый столъ, чтобы тебѣ не переходить въ столовую. Мы здѣсь позавтракаемъ всѣ вмѣстѣ.

Старикъ со скрытымъ нетерпѣніемъ побарабанилъ пальцами о ручку кресла.

— Зачѣмъ это? — чуть недовольнымъ голосомъ сказалъ онъ.—Я могу отлично ходить и могъ-бы выйти въ столовую.

— Ахъ, какъ можно! Въ твоемъ положеніи нужна осторожность. Я ни за что этого не позволю!—твердо отвѣтила она.

— Но зачѣмъ меня дѣлать болѣе больнымъ, чѣмъ я есть? — просительнымъ тономъ проговорилъ старикъ.

Ивана Петровича непріятно поразило, что они говорили другъ другу „ты“. Прежде этого не было. Не было этого и три года тому назадъ, когда онъ уѣзжалъ.

Тогда Татьяна Васильевна жила въ домѣ отца такъ-же, какъ и теперь, но жила въ качествѣ не то дальней родственницы покойной жены, не то въ родѣ экономки. У нея не было ни тона, ни вида хозяйки.

Теперь все измѣнилось.

Она позвала лакея и все было сдѣлано, какъ она хотѣла. Старикъ не возражалъ. Онъ зналъ по опыту, что возражать будетъ безполезно и что это непремѣнно вызоветъ какую-нибудь сцену, которыхъ онъ такъ тщательно избѣгалъ въ послѣднее время.

За завтракомъ она слѣдила за нимъ шагъ за шагомъ: не давала ему ѣсть то, что онъ хотѣлъ, пить столько, сколько хотѣлъ; это все, видимо, его раздражало, но онъ молча покорялся. Повидимому, эта женщина загипнотизировала его волю, когда-то властную и суровую, а теперь размягченную и ослабѣвшую.

Онъ имѣлъ жалкій, робкій, растерянный видъ и походилъ на ребенка, котораго держатъ въ строгихъ рукахъ. Онъ, видимо, конфузился сына, всякими жалкими ухищреніями старался скрыть отъ него истинное положеніе вещей, но все-таки ясно видѣлъ, что отъ наблюдательнаго и остраго взора молодого человѣка ничто не можетъ укрыться въ его семейныхъ отношеніяхъ.

Разговоръ не слагался.

Иванъ Петровичъ хмуро и демонстративно молчалъ.

Татьяна Васильевна угощала его, но онъ ото всего отказывался.

Послѣ завтрака онъ ждалъ, что она уйдетъ, что деликатность и тактъ подскажутъ ей о необходимости оставить его вдвоемъ съ отцомъ, съ которымъ онъ могъ-бы переговорить окончательно. Но она не показывала ни малѣйшаго намѣренія уходить и упорно сидѣла, выражая твердое желаніе принять участіе въ семейномъ совѣтѣ, который, она чуяла, долженъ здѣсь произойти.

— Ты надолго пріѣхалъ, надѣюсь? — спросилъ отецъ, когда вынесли столъ.

— Я подалъ въ отставку,—сказалъ нехотя сынъ,—а пока взялъ отпускъ на двадцать восемь дней, чтобы повидаться съ тобой.

— Вы могли-бы взять отпускъ на все время, пока не выйдетъ ваша отставка, — наставительно сказала Татьяна Васильевна, вмѣшавшаяся въ разговоръ.

Иванъ Петровичъ окинулъ ее косымъ взглядомъ.

— Благодарю за разрѣшеніе,—сказалъ онъ.

И опять старикъ болѣзненно поморщился, услыхавъ его тонъ.

Они молчали, ожидая ухода Татьяны Васильевны. Но она не уходила. Въ душѣ Ивана Петровича накипѣло злое чувство, что-то тяжелое, ненавистное, грозное, что искало выхода.

— Итакъ, ты рѣшительно и безповоротно идешь на это?—тихо спросилъ старикъ, какъ-бы конфузясь предъ сыномъ, что вынужденъ, несмотря ни на что, говорить при Татьянѣ Васильевнѣ.

— Я уже говорила Ивану Петровичу о безуміи этого рѣшенія,—вдругъ сказала деревяннымъ голосомъ Татьяна Васильевна.

Иванъ Петровичъ готовъ былъ разразиться градомъ оскорбленій по ея адресу, но сдержался.

— Совершенно напрасно,—отвѣтилъ онъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ.—Я не признаю вмѣшательства постороннихъ людей въ мою интимную жизнь. Вы мнѣ—не отецъ и не мать...

— Ваня!—остановилъ его старикъ.—Татьяна Васильевна!—обратился онъ къ ней, чуя, что между ними сейчасъ вспыхнетъ злая ссора.

— Отецъ,—горячо началъ Иванъ Петровичъ, но старикъ прервалъ его:

— Ваня! Татьяна Васильевна знала тебя съ дѣтства и всегда любила тебя... Потомъ она почти замѣнила тебѣ мать... Ты долженъ относиться къ ней съ почтеніемъ и уваженіемъ.

— Я?!—какимъ-то визгливымъ тономъ вырвалось у него и онъ самъ не узналъ своего голоса.—Я? Относиться съ уваженіемъ къ... къ... Татьянѣ Васильевнѣ? Отецъ, что ты говоришь? Нельзя относиться съ уваженіемъ къ человѣку, который отравилъ твою молодость, который лишилъ тебя домашняго очага, который сталъ между сыномъ и отцомъ...

Иванъ Петровичъ чувствовалъ, какъ накипь на его душѣ разрѣшалась и рвалась наружу. Но онъ не удерживалъ разрѣшенія этой накипи, а, напротивъ, давалъ ей выходъ и по мѣрѣ того, какъ съ его запекшихся губъ срывались слова, ощущалъ какое-то сладкое облегченіе, успокоеніе, истому.

(Продолженіе будетъ.)

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Бѣгство семейства князя Романа Галицкаго. (Къ рис. на стр. 1281.) Рисунокъ художника Б. Кремлева переноситъ насъ въ древнюю Русь и иллюстрируетъ одну изъ многихъ мрачныхъ страницъ княжескихъ междоусобицъ. На рисункѣ изображено тайное бѣгство вдовы князя Романа Галицкаго изъ города Владиміра, гдѣ она укрывалась со своими малолѣтними дѣтьми Даніиломъ и Василько отъ преслѣдованія сѣверскихъ князей. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ первый русскій историкъ Карамзинъ:

«Еще гоненіе на семейство романово тѣмъ не кончилось. Владиміръ Игоревичъ, исполняя совѣтъ злопамятныхъ галицкихъ бояръ, велѣлъ объявить гражданамъ владимірскимъ, чтобы они выдали ему младенцевъ Даніила и Василька, приняли къ себѣ княжить брата его, Святослава Игоревича, или готовились видѣть разрушеніе ихъ столицы. Усердный народъ хотѣлъ убить сего посла, спасеннаго только заступленіемъ нѣкоторыхъ бояръ; но вдовствующая княгиня, опасаясь злобы галичанъ, измѣны собственныхъ вельможъ и легкомыслія народнаго, по совѣту Мирослава, пѣстуна Даніилова, рѣшилась удалиться и представила трогательное зрѣлище непостоянной судьбы въ мірѣ. Любимая супруга князя сильнаго, союзника императоровъ греческихъ, уважаемаго папою, монархами сосѣдственными, въ темную ночь бѣжала изъ дворца, какъ преступница, вмѣсто сокровищъ взявъ съ собою однихъ милыхъ сыновей. Мирославъ велъ Даніила, священникъ Юрій и кормилица несли Василька на рукахъ; видя городскія ворота уже запертыя, они пролѣзли сквозь отверстіе стѣны, шли во мракѣ, не зная куда; наконецъ, достигли границъ польскихъ и Кракова. Тамъ Лешко Бѣлый, умиленный несчастіемъ сего знаменитаго семейства, не могъ удержаться отъ слезъ, осыпалъ ласками княгиню и,ославъ Даніила въ Венгрію съ вельможею Вячеславомъ Лысымъ, писалъ къ Андрею: «Ты былъ другомъ его отца: я забылъ вражду романову. Вступимся за изгнанниковъ; введемъ ихъ съ честію въ области наслѣдственныя». Андрей также принялъ сего младенца со всѣми знаками искренней любви, но болѣе ничего не сдѣлалъ, охлажденный, можетъ быть, въ своемъ великодушномъ покровительствѣ дарами Владиміра Игоревича, коего послы, не жалѣя ни золота, ни льстивыхъ обѣщаній, усердно работали въ Венгріи и въ Польшѣ. Сей бывшій князь удѣла Сѣверскаго, вдругъ облагодѣтельствованный счастіемъ, едва вѣрилъ своему величію, опасному и ненадежному. Безъ сопротивленія занявъ всю область Владимірскую, онъ уступилъ ее Святославу Игоревичу, а Звенигородъ другому брату, именемъ Роману».

Хуторъ въ степи. (Къ рис. на стр. 1287.) Широко, какъ море, раскинулась степь. Куда ни кинешь взоромъ, кругомъ всюду гладкая поверхность земли, покрытая зеленымъ ковромъ травы. Ни деревца, ни кустика не видно нигдѣ. И вотъ одинокой точкой чернѣетъ среди этой степи человѣческое жилье—хуторъ. Неказистъ онъ, но радостно путнику въ степи увидѣть его. Да и взглядъ художника можетъ обольстить его убогая простота. Такъ плѣнился ею и художникъ Левченко и прекрасно передалъ ее на своей картинѣ.

Рыбаки. (Къ рис. на стр. 1289.) Тихо на рѣкѣ. Какъ-бы замерла, не шелохнется прибрежная осока, какъ зеркало, блеститъ поверхность воды. Ничѣмъ не нарушимый покой царитъ надъ всѣмъ кругомъ. Покойно и тихо, какъ-бы боясь нарушить общую гармонію, дѣлаютъ свое дѣло и рыбаки. Вотъ одинъ изъ нихъ, не торопясь, осматриваетъ сѣти, другой закинулъ удочку и терпѣливо ждетъ клева. Незатѣйлива картина Зарубина, но зато какой необъяснимой прелестью вѣетъ отъ нея.

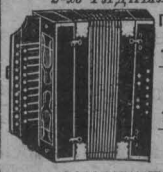
Дѣловой разговоръ. (Къ рис. на стр. 1295.) Очень ужъ зарился всегда лавочникъ-трактирщикъ, что держалъ заведенье на большой дорогѣ, на одну изъ лошадокъ Семена изъ сосѣдней деревни. Самъ раза три даже наѣзжалъ къ нему раньше—уступить просилъ и цѣну тогда хорошую давалъ, да не продавалъ Семенъ. Слава Богу, нужды не было, для чего-же и продавать было? Однако, нужда—злодѣйка извѣстная; незамѣтно подкралась она и въ семеновъ домъ, и вотъ теперь онъ и самъ пріѣхалъ къ торговцу и ведетъ теперь съ нимъ дѣловой разговоръ. Увы, другой разговоръ держитъ теперь торговецъ. Совсѣмъ, видишь ты, онъ уже отдумалъ покупать и Семену просить приходится, чтобы «не оставилъ», купилъ лошадку. Ну, а ужъ извѣстно, послѣ этого какую цѣну назначитъ торговецъ. Невольно пришлось призадуматься мужику.

Изобрѣтатель и капиталистъ. (Къ рис. на стр. 1313.) Казалось-бы, на сторонѣ изобрѣтателя должно быть большее право чувствовать себя прекрасно и независимо, чѣмъ на сторонѣ капиталиста. Онъ вложилъ въ свое дѣло всю свою душу и задуманное не только удалось ему, а удача превзошла даже ожиданія самого изобрѣтателя. Теперь онъ отлично знаетъ, что, благодаря ему, міръ получитъ нѣчто такое, что можетъ преобразить жизнь людей. Но... но прежде, чѣмъ это случится, ему нуженъ капиталистъ, который распространилъ-бы его изобрѣтеніе. Однако, вотъ онъ уже и у цѣли. Капиталистъ явился въ его мастерскую. Но что это? почему теперь его вдругъ охватило сомнѣніе: «правда-ли, такъ важно его изобрѣтеніе, нужно-ли такъ оно, какъ онъ до этого думалъ? а вдругъ этотъ человѣкъ-капиталистъ, у котораго въ рукахъ его участь, скажетъ: «нѣтъ»? И скверно чувствуетъ себя изобрѣтатель, показывая свое изобрѣтеніе человѣку, у котораго въ рукахъ капиталъ, а слѣдовательно, и участь изобрѣтателя, и, напротивъ, свысока, съ сознаніемъ своей силы, важно попыхивая сигарой, смотритъ на изобрѣтателя капиталистъ. Увы! таково могущество капитала въ нашъ вѣкъ.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛ. *2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.*



ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 13 р. 15 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
СТАЛЬНЫЕ голоса
16 р. 20 р. 24 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

РОЯЛЬНЫЯ съ мѣдными планками ОДНОРЯДНЫЯ

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11, 12, 13 р. 50 к., 15 р.
СТАЛЬНЫЕ голоса
17, 20, 23, и 28 руб.
ДВУХРЯДНЫЯ
голоса новаго серебра 20 руб.
Стальные голоса 30 руб.

САМОУЧИТЕЛИ ПО 1 РУБ.

ЛИВЕНСКІЯ МѢДНЫЕ ГОЛОСА ЖЕЛѢЗНЫЯ ПЛАНКИ
2 р. 50 к., 3, 4, 5 р.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
мѣдныя планки
5 р. 50 к., 6 р. 25 к., 7 р. 8 руб., 9 руб. 50 к.
СТАЛЬНЫЕ голоса
мѣдныя планки
10 р. 50 к., 11 р. 75 к., 12 р. 50 к., 14, 16 р.
САМОУЧИТЕЛЬ 75 КОП.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ,
МОСКВА, СРѢТЕНКА.
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.
Прейсъ-курантъ безплатно.

ЧИСТОЕ ЛИЦО

получается скоро послѣ употребленія новаго средства

Угрих
отъ
ПРЫЩЕЙ и УГРЕЙ

Продается вездѣ по 1 р. 90 к. за банку. Перес. налож. плат. изъ оптов. склада Рич. Пето. СПБ. Караван. ул. 16. кв. 9.

3 слова:
Кёлерскія фотографич. пластинки.
Имѣются вездѣ.

МИНДАЛЬНЫЙ КРЕМЪ ГОЛЛЕНДЕРЪ (Crême d'amandes)

вмѣсто мыла для мытья лица и рукъ, замѣняющій мыла и миндальныя отруби, рекомендуется всѣмъ лицамъ, имѣющимъ нѣжную и раздражительную кожу, не выносящую мыла. Миндальный кремъ не портится. При употребленіи миндальнаго крема лицо надолго сохраняетъ свою нѣжность и свѣжесть.
Банка въ 30 к., 60 к. и 1 р. Продается во всѣхъ аптекарск. и косметич. магазинахъ Россіи. 176
Остерегаться поддѣлокъ и подражаній! Торговый домъ „Парфюм. лаборат. І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“, СПБ., Разъѣзжая, 13.

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

НЕСТЛЕ
ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА
Сгущенное молоко НЕСТЛЕ.

ОЧЕНЬ ВАЖНО, ПРОЧТИТЕ!!!

Вслѣдствіе конкурренціи и громаднаго запаса товаровъ мы рѣшили съ 25-го августа с. г. назначить цѣны самыя крайнія. Вмѣсто 12 руб. только за 6 руб. 50 к. высылаемъ 10 нижеслѣдующихъ цѣнныхъ предметовъ: 1) мужскіе часы черные ворон. стали, прочный механизмъ и звучный ходъ., съ завод. безъ ключа; 2) къ часамъ цѣпь настоящ. америк. золота, панцырная; 3) дамскіе часы черн. ворон. стали, съ зав. безъ ключа; 4) цѣпь дамская шейная америк. золота; 5-10) 6 серебр. 84-ой пробы брелоковъ разныхъ фасоновъ, изящной работы. Часы высылаются вывѣренные и съ ручательствомъ на 6 лѣтъ. Пересылка по почтовому тарифу на счетъ заказчика; такой-же гарнитуръ съ крытыми часами на 1 руб. 50 к. дороже. Требованія высылаются немедленно наложеннымъ платежомъ и безъ задатка. Адресовать: Торговой фирмѣ **А. Ш. КАПЛАНЪ** и К°, гор. Варшава. Безплатно получаетъ каждый присылающій задатокъ (можно марками) 1 портмонэ со штемпелемъ или золотое кольцо 56%. 452

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

Большой романъ, въ 3-хъ частяхъ, А. А. Соколова. Спб., ц. 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Канвой этого романа послужила доблестная оборона Севастополя съ ея героями-защитниками и необыкновеннымъ подъемомъ духа русскаго общества во время Крымской кампаніи. Авторъ прекрасно описываетъ самоотверженность севастопольскихъ богатырей, отстаивавшихъ своею кровью уголокъ русской земли отъ трехъ соединенныхъ непріятельскихъ армій, и безконечную любовь и самозабвеніе сестеръ милосердія.

ПО СТОПАМЪ ВЕЛИКАГО ПЕТРА.

Истор. ром. А. И. Красницкаго. Спб., ц. 1 р. съ перес.

Настоящій романъ-хроника описываетъ добровольное присоединеніе Грузіи къ Россіи и дербентскій походъ гр. Зубова. Авторъ увлекательно разсказываетъ о геройскихъ подвигахъ русскихъ войскъ на Кавказѣ и вмѣстѣ съ историческими фактами развиваетъ оригинальную романическую интригу.

Требованія просятъ адресовать въ книгоиздательство А. А. Каспари: **С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., 114**, при главной конторѣ журнала „Родина“, или въ его отдѣленія: 1) С.-Петербургъ, Садовая, д. № 20, и 2) Москва, Петровскія линіи, (противъ гостиницы „Россія“).

БИЛЬЦЪ
САНАТОРІЙ I РАЗРЯДА
ДРЕЗДЕНЪ-РАДЕБЕЙЛЬ.

Проспекты безплатно. 3 врача, старшій врачъ д-ръ медиц. Ашке. Благодаря мягкому климату (сакс. Ницца), особенно пригоденъ для **ОСЕННИХЪ и ЗИМНИХЪ лечебныхъ сезоновъ.** 456

ЛУЧШІЯ
ГИЛЬЗЫ

„ФИЛИГРАНЪ“
и
„ТРІУМФЪ“
ВЕЛИЧАЙШІЯ ВЪ МІРѢ
ФАБРИКИ ТОРГ. ДОМА
А. КАТЫКЪ и К°
МОСКВА

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ

для домашнихъ библіотекъ по особо УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ имѣется въ книгоиздательствѣ

А. А. Каспари, С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., № 114.

ПРОШУ ЗАМѢТИТЬ

Китайскій чай Царская Роза Ненчао и Цейлонскій Янхао—это два наилучшихъ чая на міровомъ рынкѣ. Громкая слава о нихъ давно идетъ по всей Россіи и, кажется, нѣтъ такого уголка, гдѣ бы ихъ не знали и не употребляли. На Парижской международной выставкѣ они оказались лучше всѣхъ чаевъ и за ихъ необыкновенно высокое качество намъ присуждена золотая медаль. Въ настоящее время оба эти чая получены свѣжіе новаго урожая, при чемъ качество ихъ къ великому нашему удовольствію оказалось значительно лучше прошлогоднихъ. Если кто любитъ истинно хорошій чай, но не пробовалъ эти чаи, тому настойчиво совѣтуемъ ихъ попробовать. Непосредственно изъ нашихъ складовъ чай продается всякое количество, начиная отъ фунта въ розницу по оптовой цѣнѣ, то есть вмѣсто 2-хъ руб. 1—60 к. (безъ пересылки). На пробу можно выписать хотя 1 ф. чаю того или другого, или по полфунту обоихъ сортовъ. Пробный фун. чая высылается во всю Европ. Россію за 1 р. 85 к., 3 фун. за 5 р. 25 к. и 5 ф. за 8 р. 45 к. при чемъ пересылка и всѣ расходы мы принимаемъ на свой счетъ. При покупкѣ 25 ф. и больше особая скидка.

Склады чаевъ Московскаго купца **И. Е. ДУБИНИНА** МОСКВА, Покровка, д. № 55.

Подробный прейсъ-курантъ высылается всѣмъ по требованію

GRANDPRIX Высшая награда на Международной Гигіенической Выставкѣ въ Парижѣ 1905 года 364
Пров. КИНУНЕНА. **ЭЛЕОПАТЪ.**

ДУХИ ASTRIS L·T·PIVER ДУХИ
PARIS

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1900 г.

ПАВЕЛЪ БУРЕ.

поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, Невск. пр., д. № 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
● БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики ●
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безпл.

Дозволено цензурою. Спб., 24-го сентября 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114